K29 4/16

Пет. 47-13
№ 2477
15-I-1930
К29 4/16
602/4
1929

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ
и
БОРЬБА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I СЪ НАПОЛЕОНОМЪ.

Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ по случаю юбилея рожденія Императора Александра I, 12 декабря 1877 г., ординарнымъ профессоромъ Всеобщей Исторіи П. И. Люперсольскимъ.

Мм. Гг.

Сегодня исполнилось столѣтіе со дня рожденія русскаго Государя, царствованіе котораго было однимъ изъ самыхъ славныхъ для нашего отечества и проходило среди событій, самыхъ необыкновенныхъ и знаменательныхъ въ исторіи.

Когда Екатерина Великая обрадована была рожденіемъ ей внука и поэтъ Державинъ восторженною пѣснію привѣтствовалъ въ немъ будущаго счастливаго вѣнценосца, «образецъ монархамъ и утѣшеніе сердецъ», кто могъ-бы тогда думать, какое многотрудное царствованіе предстоитъ этому порфирородному отроку, какія великія испытанія придется пережить ему и всей Россіи въ его царствованіе?

Природа самымъ щедрымъ образомъ одарила Императора Александра Павловича всѣми качествами ума и души, какія имѣютъ особенно высокую цѣну въ государѣ, предназначенномъ для мирнаго царствованія. Его кроткое человѣчное сердце искало себѣ пищи и наслажденія въ устройствѣ мирнаго счастія среди людей. Свѣтлый, тонкій и проницательный умъ его видѣлъ дѣйствительныя средства къ тому въ образованіи, въ умственномъ и нравственномъ развитіи народовъ. Ему дано было воспитаніе и образованіе въ духѣ новыхъ просвѣтительныхъ идей вѣка, которымъ столько сочувствовала сама Екатерина. Съ раннихъ лѣтъ въ душѣ его сложились высокіе и свѣтлые идеалы о царскомъ призваніи, благѣ государствъ и счастіи народовъ.

Вступивъ въ молодыхъ лѣтахъ на престолъ, Императоръ Александръ съ увлеченіемъ предался заботамъ о внутреннихъ преобразованіяхъ въ своемъ государствѣ и особенно о распространеніи въ немъ

просвѣщенія. Во внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи принята была самая миролюбивая и уступчивая политика, чтобы имѣть возможность сосредоточить все вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ страны. Таковы были расположеніе и планы русскаго царя: они вполнѣ соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ и желаніямъ Россіи. Но провидѣнію угодно было подвергнуть отечество наше тяжкому испытанію. Миролюбивый русскій монархъ и мирный русскій народъ должны были выступить на борьбу съ могучею и страшною внѣшнею силой, которая тогда потрясала Европу, подавляя все передъ собою, и которой все трепетало.

Россія въ царствованіе Александра I неволею вовлечена была въ водоворотъ событій, для нея совсѣмъ чуждыхъ, внѣшнихъ и случайныхъ, не проистекавшихъ изъ внутренняго хода ея собственной исторической жизни. Событія эти возникли на западно-европейской почвѣ и созданы были ходомъ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Однако и сами западные народы были весьма поражены этими событіями, а ихъ правительства были ими застигнуты нежданно, смущены и приведены въ величайшее замѣшательство. Теперь мы хорошо видимъ и понимаемъ внутреннюю необходимость и законность всего движенія, происходившаго тогда въ западной Европѣ; но современники и сами виновники этого движенія вращались въ его круговоротѣ, не вѣдая, какими силами оно создано и какой будетъ его исходъ.

Рядъ этихъ событій открыла собою великая французская революція. Еще не успѣло совершенно скрыться ея кровавое зарево отъ испуганныхъ взоровъ Европы, какъ на ея горизонтѣ явился новый грозный метеоръ. То былъ завоеватель. Такого явленія, дѣйствительно, трудно было ожидать въ то время въ Европѣ. Вообще явленіе завоевателей принадлежитъ, по счастію, къ числу рѣдкихъ и чрезвычайныхъ въ исторіи. При томъ она привыкла видѣть этого рода явленіе совсѣмъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ какъ это было на сей разъ. Обыкновенно завоеватели выходили изъ такого народа, который только еще пролагалъ себѣ путь въ исторіи, который не имѣлъ у себя богатаго прошлаго, не обладалъ богатымъ историческимъ наслѣдіемъ, накопленнымъ вѣковыми усиліями его предковъ, словомъ—который еще долженъ быть завоевать себѣ и создать себѣ положеніе и значеніе среди другихъ народовъ. При такихъ именно условіяхъ являлись въ исторіи извѣстные намъ великіе завоеватели: Киръ, Александръ Македонскій, Аттила, Магометъ, Батый, Тамерланъ. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находились тогда народы западной Европы. Можно было думать, что въ ней улеглись уже тѣ грубыя силы, которыя рвутся къ завоеваніямъ. Политическое устройство европейскихъ государствъ сложилось, повидимому, окончательно и

прочно, а внутреннее развитіе западныхъ народовъ, казалось, достигло той степени, на которой люди способны цѣнить блага мирнаго развитія. Тѣмъ не менѣе какъ французская революція, такъ и явленіе въ Европѣ завоевателя, въ лицѣ Наполеона, вытекали изъ внутренняго склада европейской жизни, изъ хода европейской исторіи, и оба явленія, Наполеонъ и революція, находились въ тѣсной взаимной связи.

Французская революція потрясла старинный общественный строй Европы. Это былъ феодальный строй. Она расшевелила и подняла на ноги низшій слой европейскаго населенія, находившійся подъ давленіемъ остальныхъ высшихъ. То былъ бѣдный, неразвитый, но сильный и страшный своею численностію классъ населенія западной Европы. Въ его прошломъ была таже бѣдность и ничтожность, какъ и въ настоящемъ. Словомъ сказать, народныя массы, обезземеленныя и во всемъ обдѣленныя феодальною Европой, теперь захотѣли и рѣшились добиться своей доли въ томъ благоденствіи и процвѣтаніи, какое было тамъ достигнуто высшими классами, не безъ содѣйствія, конечно, этихъ низшихъ и на счетъ ихъ.

Подъ грознымъ напоромъ народныхъ массъ, предводимыхъ смѣлыми и искусными вождями, зашаталось стройное и покойное зданіе феодализма. Побѣдные клики революціи раздавались во всѣхъ концахъ Европы: съ трепетнымъ сочувствіемъ прислушивались къ нимъ повсюду народныя массы. Но скоро сталъ во главѣ движенія вождь, который далъ ему другой поворотъ.

Наполеонъ отлично умѣлъ оцѣнить всю громадность силы, представляемой народными массами, но также понималъ и всю ихъ безпомощность въ дѣлѣ устройства ихъ собственнаго благосостоянія. Онъ нашелъ удобнымъ подчинить эту силу своей власти и употребить ее для своихъ личныхъ цѣлей. Его военный геній и политическій умъ давали ему на то полномочіе. Въ его рукахъ эта сила стала всесокрушающею и неодолимою. Что такое создалъ онъ посредствомъ нея? Создалъ имперію и самъ принялъ титулъ римскихъ цезарей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ систему непрерывныхъ завоеваній: того требовали его положеніе, его геній и тѣ народныя силы, которыя онъ захватилъ въ свои руки, такъ какъ необходимо было дать этимъ силамъ такое занятіе, которое было сродно имъ и въ то же время держало ихъ въ зависимости и подчиненіи у своего вождя.

Легко и быстро справлялась созданная Наполеономъ имперія съ феодальными государствами Европы, сокрушая ихъ одно за другимъ такъ, что они не успѣвали сообразить, что такое надъ ними творится. Одно изъ этихъ государствъ также украшалось именемъ священной

римской Имперіи, но въ сущности было такимъ же феодальнымъ королевствомъ, какъ и всѣ другія въ западной Европѣ, и такъ же какъ другія, должно было склонить главу предъ величіемъ и могуществомъ новаго цезаря.

Тогда имперія Наполеона стала лицемъ къ лицу съ другой имперіей, которая не была ни феодальною, ни революціонною, а законною историческою преемницею имени и наслѣдницею правъ угасшей Восточной Римской Имперіи.

Исторія нашихъ отношеній къ Франціи временъ Наполеона представляетъ два періода, различныхъ по своему характеру: первый періодъ до тильзитскаго мира и второй—послѣ этого мира. Въ первый періодъ Императоръ Александръ ведетъ борьбу съ Наполеономъ въ союзѣ съ другими европейскими государствами. Усилія его направлены къ тому, чтобы создать противъ Наполеона прочный вооруженный союзъ изъ возможно большаго числа европейскихъ государствъ и тѣмъ своевременно положить предѣлъ его самовластію и остановить въ самомъ началѣ развитіе его завоевательныхъ плановъ. Его усилія въ этомъ отношеніи остались безуспѣшными по винѣ его союзниковъ. Тогда онъ вынужденъ былъ оставить ихъ въ сторонѣ и взялъ дѣло прямо въ свои собственныя руки. Заключеніемъ съ Наполеономъ мира и союза въ Тильзитѣ русскій государь сталъ въ непосредственныя отношенія къ своему противнику: съ этого времени настаетъ новый періодъ нашихъ отношеній къ французской имперіи, въ которомъ Россія одна сама по себѣ ведетъ съ Наполеономъ борьбу, сначала дипломатическую, потомъ вооруженную, до тѣхъ поръ, пока наноситъ ему и соединеннымъ силамъ всей почти Европы рѣшительное пораженіе; затѣмъ Императоръ Александръ во главѣ европейскихъ государей ведетъ свои и ихъ войска въ предѣлы Франціи и полагаетъ конецъ созданной Наполеономъ Имперіи.

I.

Въ первое время по вступленіи на престолъ Императоръ Александръ хотѣлъ имѣть дружественныя отношенія къ Франціи, какъ и къ прочимъ державамъ, «чтобы упрочить для своей Имперіи миръ, необходимый для возстановленія порядка въ разныхъ частяхъ управленія, и въ тоже время по возможности содѣйствовать ускоренію окончательнаго мира, который бы далъ Европѣ время возстановить поколебленное зданіе соціальной системы». Такъ онъ говорилъ въ своей инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ, данной отъ 4 іюля

1801 года *). Но въ той же инструкціи обнаруживается его недовѣріе къ миролюбію и умѣренности перваго консула французской республики Бонапарта. «Если первый консулъ, сказано въ инструкціи, сохраненіе и утвержденіе своей власти поставитъ въ зависимость отъ раздоровъ и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не признаетъ, что власть, основанная на неправдѣ, всегда непрочна..., если онъ позволитъ увлечь себя революціонному потоку, если наконецъ онъ ввѣритъ себя одному счастію, то война можетъ продолжиться, и при такомъ порядкѣ вещей уполномоченный, которому ввѣрены мои интересы во Франціи, долженъ ограничиться наблюденіемъ хода тамошняго правительства и тянуть время, пока обстоятельства болѣе благопріятныя позволятъ употребленіе средствъ болѣе дѣйствительныхъ». Опасенія эти относительно образа дѣйствій перваго консула французской республики стали сбываться немедленно. Незаконныя и насильственныя распоряженія его въ Италіи вызвали протестъ со стороны русскаго уполномоченнаго во Франціи Колычева. Колычевъ былъ отправленъ туда еще Императоромъ Павломъ. Французское правительство находило рѣзкимъ тонъ, какимъ онъ высказывалъ свои требованія, и жаловалось на это въ Петербургъ. Колычевъ былъ отозванъ. На его мѣсто былъ посланъ графъ Марковъ, отличавшійся самою утонченною вѣжливостію. Наполеонъ старался завѣрить его въ своемъ желаніи сохранять наилучшія отношенія къ Россіи и былъ въ первое время весьма съ нимъ ласковъ. «Все между нами можетъ уладиться дружески, говорилъ онъ Маркову, и примирительныя наклонности (l'esprit de conciliation), которыми вы славитесь, графъ, всего болѣе служатъ мнѣ въ томъ ручательствомъ».

Однако, несмотря на свою изысканную вѣжливость и на примирительныя наклонности, которыя предполагалъ въ немъ Наполеонъ, новый русскій посолъ оказывался человѣкомъ весьма непреклоннымъ и настойчивымъ. Объ немъ говорили въ Россіи, что «онъ не позволитъ никому наступить себѣ на ногу». Наполеону пришлось скоро убѣдиться въ этомъ. Подобно Колычеву, Марковъ продолжалъ настаивать на отмѣнѣ распоряженій Наполеона въ Италіи. Онъ требовалъ возвращенія сардинскому королю Піемонта, захваченнаго французами. Наполеонъ находилъ, что русское правительство, настаивая на своемъ требованіи, выказываетъ неуваженіе къ Франціи и поступаетъ съ ней, точно съ Лукскою республикой; онъ удивлялся, что Императоръ Александръ такъ

*) Мы не дѣлаемъ ссылокъ въ своей статьѣ: сообщаемые въ ней факты заимствованы нами, главнымъ образомъ, изъ превосходнаго сочиненія г. Богдановича „Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время. Спб. 1869".

много заботится объ интересахъ «сардинскаго *царька*» (roitelet). Графъ Марковъ объяснилъ первому консулу, что участіе, принимаемое русскимъ Императоромъ въ судьбѣ сардинскаго короля, «внушено ему столько же чувствами справедливости и дружбы къ сему государю, сколько и тѣмъ, что *россійское правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ участи какой-бы то ни было изъ европейскихъ державъ.*» Такимъ образомъ при первыхъ же своихъ сношеніяхъ съ повелителемъ Франціи Императоръ Александръ давалъ ему чувствовать и понять, что не позволитъ ему произвольно распоряжаться въ Европѣ.

Распоряженія Наполеона въ Германіи также возбуждали неудовольствіе нашего правительства. Марковъ всякій разъ дѣлалъ настойчивыя представленія и по этимъ дѣламъ. Наполеонъ не затруднялся прибѣгать иной разъ ко лжи, съ цѣлію подорвать довѣріе германскихъ правительствъ къ Императору Александру. Марковъ своевременно и искусно разоблачалъ ложь. Наполеонъ выходилъ изъ себя отъ дѣйствій русскаго посла, который не хотѣлъ уступать ему ни въ чемъ ни шагу. Уже тогда первый консулъ усвоилъ себѣ самое безцеремонное обхожденіе съ представителями иностранныхъ дворовъ во Франціи. На представленія, на примѣръ, прусскаго посла по италіанскимъ дѣламъ ему просто отвѣчали, что французское правительство не обязано разсуждать объ этихъ дѣлахъ съ прусскимъ королемъ. Англійскій посолъ лордъ Витвортъ долженъ былъ выдерживать весьма бурныя выходки со стороны перваго консула за то, что Англія, вопреки амьенскому договору, удерживала за собой островъ Мальту. Наполеонъ воздерживался нѣкоторое время отъ подобныхъ выходокъ относительно русскаго посла. Но наконецъ— не выдержалъ. Испанскій и прусскій посланники во Франціи распространили слухъ, совершенно ложный, будто неуступчивость англичанъ поддерживается происками графа Маркова и русскаго посла въ Лондонѣ графа С. Р. Воронцова. Талейранъ сообщилъ объ этихъ слухахъ первому консулу. Въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса въ Тюльери (25 мая 1803 г.) Наполеонъ сталъ осыпать Маркова упреками. Марковъ опровергалъ взводимыя на него обвиненія. Наполеонъ, не отвѣчая ему, заговорилъ съ другими послами. Тогда Марковъ повернулся къ нему спиною и уѣхалъ изъ Тюльери. Что дальше, то хуже становились его отношенія къ первому консулу. Дошло до того, что Марковъ пересталъ являться на его публичныхъ выходахъ. Наполеонъ собственноручнымъ письмомъ (отъ 17 іюля 1803 г.) просилъ Императора Александра объ отозваніи Маркова. Однако русскій государь, согласно съ мнѣніемъ канцлера графа Воронцова, считалъ нужнымъ не спѣшить отозваніемъ своего посла. Талейранъ, исполняя волю Бона-

парта, поручилъ (въ августѣ того же года) французскому посланнику въ Петербургѣ повторить требованіе объ отозваніи графа Маркова, при чемъ на него взводились очень тяжкія обвиненія, которыя могли сильно повредить ему. Талейранъ доносилъ, между прочимъ, будто графъ Марковъ позволяетъ себѣ оскорбительныя выходки относительно своего государя. «Чего не наговорилъ онъ, утверждалъ Талейранъ, объ указѣ относительно народнаго просвѣщенія, о поощреніяхъ Его Величества крестьянскому освобожденію? Онъ безпрестанно повторяетъ фразу: «у Императора своя воля, у русскаго народа другая». Однако всѣ эти клеветы не поколебали довѣрія Императора Александра къ своему послу въ Парижѣ. Только тогда, когда самъ Марковъ сталъ просить объ увольненіи, Государь исполнилъ его просьбу. Онъ наградилъ его орденомъ св. Андрея первозваннаго и въ рескриптѣ къ нему выразилъ сожалѣніе, что лишается его службы на этомъ постѣ. Марковъ, возложивъ на себя пожалованный ему орденъ, явился на публичную аудіенцію перваго консула и громко говорилъ всѣмъ, кого встрѣтилъ на этой аудіенціи, что принимаетъ увольненіе отъ занимаемаго имъ поста, какъ величайшую къ нему милость Государя. Съ своей стороны Императоръ Александръ далъ знать первому консулу, что не вѣритъ взведеннымъ на Маркова обвиненіямъ, но отзываетъ его вслѣдствіе собственной его повторенной просьбы, не желая оставлять его въ непріятномъ положеніи. Русскій Государь не захотѣлъ болѣе отправлять во Францію посла, а былъ назначенъ тамъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи старшій чиновникъ нашего посольства во Франціи Убри. Впрочемъ Наполеонъ не оставлялъ въ покоѣ и второстепенныхъ чиновниковъ нашей миссіи, нападая то на одного, то на другаго изъ нихъ. Въ тоже время онъ не упускалъ случая наносить намъ и серьезный вредъ: французскіе агенты въ Константинополѣ старались возстановить противъ Россіи Порту. Императоръ Александръ видѣлъ, что необходимо «употребленіе средствъ болѣе дѣйствительныхъ» относительно консула французской республики.

Въ началѣ 1804 г. русское правительство приступило къ тайнымъ переговорамъ съ европейскими державами, съ цѣлію образовать изъ нихъ вооруженный союзъ противъ Франціи. Въ мартѣ этого года французскій консулъ позволилъ себѣ такое возмутительное попраніе международнаго права, которое произвело чрезвычайно тяжолое впечатлѣніе на всѣхъ въ Европѣ и въ самой Франціи. Это было убійство ни въ чемъ неповиннаго герцога ангіенскаго (d' Enghien). Все дѣло велось чисто разбойнически.

Несчастный герцогъ мирно жилъ во владѣніяхъ баденскаго курфирста, въ небольшомъ городкѣ Эттенгеймѣ, не питая никакихъ по-

литическихъ замысловъ, занятый всего болѣе своею любовію къ принцессѣ Роганъ-Рошфоръ. Шпіоны Наполеона слѣдили неотступно за герцогомъ и дѣлали на него доносы, будто онъ имѣетъ сношенія во Франціи съ враждебными консулу людьми. Наполеонъ рѣшилъ такъ или иначе захватить герцога въ свои руки и покончить съ нимъ. Онъ поручилъ военному министру составить инструкцію для набѣга на городъ Эттенгеймъ. Полковникамъ Коленкуру и Орденеру поручено было взять отряды войскъ и жандармовъ и произвести съ ними этотъ набѣгъ. Порученіе было исполнено въ точности, по инструкціи, и съ полнымъ успѣхомъ. Герцогъ былъ захваченъ, привезенъ въ Парижъ и разстрѣлянъ жандармами во рву венсенскаго замка (9 марта, въ 6 час. утра).

Хотя всѣ европейскіе дворы глубоко поражены были извѣстіемъ объ этомъ ужасномъ событіи, однако хранили молчаніе. Не смолчалъ лишь русскій Государь: онъ во услышаніе всей Европы высказалъ свое негодованіе и свой протестъ противъ беззаконнаго дѣла. Въ Австріи императоръ, императрица, эрцгерцогини и все высшее общество были огорчены убійствомъ герцога; тѣмъ не менѣе австрійскій посланникъ въ Парижѣ графъ Кобенцель высказался первому консулу объ этомъ событіи, что «бываютъ обстоятельства, когда правительство поставлено въ необходимость принять для своей безопасности мѣры, не подлежащія вмѣшательству другихъ державъ». Такимъ образомъ искусная австрійская дипломатія нашла способъ оправдать насиліе. Кобенцель опустилъ лишь изъ виду то, что французское правительство для своей безопасности считало позволеннымъ дѣлать хищническіе набѣги на чужія владѣнія; теперь оно произвело такой набѣгъ на баденскія владѣнія, послѣ могло сдѣлать—на австрійскія: подлежало ли бы тогда это вмѣшательству Австріи? Прусскій король выказалъ въ этомъ дѣлѣ свою совершеннѣйшую безхарактерность. Въ Берлинѣ волненіе умовъ по поводу венсенскаго событія было такъ сильно, что прусское правительство прекратило было переговоры, которые оно вело съ Франціей о заключеніи съ ней оборонительнаго союза. Наполеонъ велѣлъ занять французскими войсками герцогство арембергское и за тѣмъ потребовалъ отъ Пруссіи, «въ виду раздраженія Россіи противъ Франціи», формальнаго обязательства—*не дозволять ни въ какомъ случаѣ русскимъ войскамъ проходить черезъ прусскія владѣнія.* Что же сдѣлалъ прусскій король? 12-го мая (1804 г.) онъ заключилъ съ Императоромъ Александромъ оборонительный союзъ противъ Франціи, а 1-го іюня—такой же союзъ съ Наполеономъ противъ Россіи. Мало того, онъ спѣшилъ предувѣдомить Наполеона о томъ, что Императоръ Александръ старается образовать коалицію противъ Франціи.

Когда въ Петербургѣ получено было извѣстіе о казни герцога ангіенскаго, Императоръ Александръ повелѣлъ Государственному Совѣту обсудить мѣры, какія русское правительство должно принять по этому случаю. Государственный Совѣтъ большинствомъ голосовъ постановилъ изложить явно, предъ лицемъ Европы, образъ мыслей нашего правительства. Тогда Государь наложилъ при дворѣ трауръ по герцогѣ ангіенскомъ и затѣмъ выразилъ свой протестъ въ двухъ нотахъ. Одна предъявлена была (25 апрѣля) германскому сейму и въ ней Императоръ Александръ приглашалъ всѣ нѣмецкія державы протестовать противъ нарушенія неприкосновенности предѣловъ Германіи и требовать удовлетворенія отъ французскаго правительства. Другую ноту нашъ повѣренный во Франціи вручилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ (30 апр.): въ ней Императоръ Александръ изъявлялъ ожиданіе, что первый консулъ приметъ самыя дѣйствительныя мѣры къ успокоенію германскихъ державъ и прекратитъ положеніе дѣлъ, угрожающее ихъ безопасности и независимости.

Между тѣмъ въ это самое время французскій сенатъ готовился поднести первому консулу титулъ Императора французовъ. Всѣ германскія правительства уже изъявили свое согласіе на признаніе Бонапарта въ этомъ достоинствѣ. Понятно, какое непріятное дѣйствіе долженъ былъ произвесть на него протестъ русскаго Императора, выраженный такимъ торжественнымъ образомъ. Въ своемъ отвѣтѣ на русскую ноту французское правительство сослалось на молчаніе по этому предмету германскихъ государствъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ. «Императоръ германскій и король прусскій, говорилось въ отвѣтной французской нотѣ, долженствующіе принимать наибольшее участіе въ судьбѣ Германской Имперіи....., не изъявили никакого неудовольствія по сему поводу. Первый консулъ могъ-бы оставить безъ объясненія дѣло, совершенно чуждое Е. В. Россійскому Императору, но онъ всегда готовъ отвѣчать съ обычною ему откровенностію, извѣстною Европѣ и приличною великимъ державамъ». Далѣе въ нотѣ взводилось на русское правительство обвиненіе въ томъ, что оно само нарушаетъ независимость и безопасность другихъ державъ, содержа въ Римѣ и Дрезденѣ заговорщиковъ, и предоставляя русскимъ резидентамъ распространять покровительство народнаго права на уроженцевъ государствъ, при которыхъ они аккредитованы, какъ это дѣлалъ г. Марковъ. «Такъ какъ первый консулъ, говорилось въ заключеніе, не присвоиваетъ себѣ никакого преобладанія и не вмѣшивается въ дѣйствія россійскаго кабинета, то и требуетъ, чтобы въ отношеніи къ нему поступали такимъ-же образомъ».

По полученіи этой ноты французскаго правительства, русскій повѣренный во Франціи вручилъ Талейрану новую ноту отъ имени своего правительства. Въ заключеніи ея было сказано:

..... «Послѣдній насильственный поступокъ, учиненный французскими войсками во владѣніяхъ курфирста баденскаго, довершившій прежнія оскорбленія, убѣдилъ Его Величество, что французское правительство неизмѣнно рѣшилось принять способъ дѣйствій, совершенно противный справедливости и народному праву, и потому несовмѣстный съ чувствами и правилами Его Величества.

«Какъ, по сей причинѣ, Его дальнѣйшія сношенія съ Первымъ консуломъ сдѣлались совершенно безполезны, то нижеподписавшійся, повѣренный въ дѣлахъ Е. И. В. получилъ приказаніе извѣстить министерство внѣшнихъ сношеній французской республики о прекращеніи своихъ обязанностей. Е. В. Россійскій Императоръ, по полученіи извѣстія о выѣздѣ своей миссіи изъ Парижа, объявитъ генералу Гедувилю (французскому послу въ Петербургѣ), что онъ можетъ оставить Его столицу».

Такимъ образомъ произошелъ разрывъ Императора Александра съ Бонапартомъ, наканунѣ провозглашенія сего послѣдняго Императоромъ французовъ.

Теперь русскій Государь дѣятельно приступилъ къ составленію вооруженнаго союза противъ Наполеона. Прежде всего онъ обратился къ Швеціи. Шведскій король Густавъ IV одинъ изъ всѣхъ европейскихъ государей присоединилъ свой протестъ къ протесту русскаго Государя по поводу венсеннскаго убійства. Король Густавъ не терпѣлъ Бонапарта. Когда прусскій король Фридрихъ—Вильгельмъ и Наполеонъ, уже провозглашенный Императоромъ, обмѣнялись между собою орденами, Густавъ IV, получивъ объ этомъ извѣстіе, отослалъ обратно прусскому королю полученный отъ него орденъ Чернаго Орла и написалъ ему, что считаетъ для себя постыднымъ носить одинаковые знаки отличія съ Бонапартомъ. Швеція уже находилась въ разрывѣ съ Франціей и заключила тайный договоръ съ Англіею (3 декабря н. с. 1804), когда русское правительство предложило шведскому заключить съ нимъ вооруженный союзъ противъ Франціи. Наступательный и оборонительный союзъ Россіи съ Швеціею былъ заключенъ (14 янв. н. с. 1805 г.) и однимъ изъ секретныхъ условій его постановлено, чтобы принимать и прочія державы въ этотъ союзъ со взаимнаго согласія договаривающихся дворовъ. Затѣмъ русское правительство обратилось къ Австріи, Пруссіи и Англіи, съ цѣлію привлечь и эти державы къ вооруженному союзу противъ Франціи. Дѣло, казалось, должно было

устроиться безъ труда: Англія уже и такъ находилась во враждѣ съ Франціей, Австрія и Пруссія обѣ равно испытывали давленіе надъ собою деспотизма Наполеона. Но нужно было спачала успокоить Англію относительно намѣреній Россіи на востокѣ. Когда это дѣло было улажено, Англія приступила къ союзу. Правительства обѣихъ державъ, русское и англійское, стали тогда дружными усиліями дѣйствовать на Австрію. Австрія находилась въ нерѣшительности и старалась всячески затянуть дѣло. То она отговаривалась тѣмъ, что еще неготова къ войнѣ, то соглашалась пристать немедленно къ союзу, какъ только приступитъ къ нему Пруссія. Но Пруссія питала зависть и недовѣріе къ Австріи и смертельно боялась Наполеона. Она рѣшилась остаться нейтральною, надѣясь заслужить этимъ милость Бонапарта. Новый захватъ Наполеона въ Италіи (присоединеніе къ Франціи Генуи) вызвалъ изъ нерѣшительности Австрію и она приступила къ союзу. Такимъ образомъ усиліями Императора Александра образовалась европейская коалиція противъ Наполеона.

Это была такъ называемая *3-я коалиція* противъ Франціи, состоявшая изъ 4 державъ: Россіи, Англіи, Австріи и Швеціи. Такъ какъ Англія не имѣла значительныхъ сухопутныхъ силъ, а военныя силы Швеціи вообще были не велики, то вся тяжесть войны падала на Австрію и Россію. Наполеонъ зорко слѣдилъ за военными приготовленіями Австріи, былъ паготовѣ и думалъ о томъ лишь, чтобы предупредить соединеніе силъ своихъ противниковъ и разбить ихъ войска по одиночкѣ. Австрія сама помогла ему въ этомъ. Она поспѣшила открыть военныя дѣйствія, не дождавшись прихода русскихъ войскъ. Императоръ Александръ былъ изумленъ этою поспѣшностію Австріи. Онъ далъ повелѣніе своимъ войскамъ немедленно выступить въ походъ и самъ рѣшился отправиться на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ Россіи относились съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ борьбѣ, которую обожаемый Государь предпринималъ противъ Наполеона. Жители угощали проходившія на войну войска, крестьяне дарили деньги солдатскимъ женамъ и дѣтямъ, провожавшимъ своихъ въ походъ. Когда Государь, въ день своего отъѣзда къ арміи (9 сентября), прибылъ въ Казанскій соборъ отслушать молебенъ, соборъ и всѣ ведущія къ нему улицы полны были народу. «Государь ѣдетъ на войну», повторяли тысячи людей, передавая эту вѣсть другъ другу. Многіе плакали. Когда Государь вышелъ изъ собора и поѣхалъ по невскому проспекту, раздались громкія восклицанія, слившіяся въ общее дружное ура! «Счастливо Государь, будь здоровъ»!—изъ глубины души напутствовали его русскіе люди. Въ этотъ день графъ Н. П. Шереметевъ пожертвовалъ

20,000 рублей на выкупъ должниковъ изъ тюрьмы; одинъ русскій купецъ, скрывшій свое имя, выкупилъ 15 человѣкъ. Съ такою же цѣлію Императрица Марія Ѳедоровна послала чиновника въ городскую тюрьму: тамъ всего оставалось уже только 14 человѣкъ, содержавшихся за долги, которые и были всѣ выкуплены.

Война эта окончилась полнымъ пораженіемъ союзниковъ. Наполеонъ вторгнулся въ Австрію и на голову разбилъ ея войска, прежде чѣмъ русскія успѣли соединиться съ ними. 17 октября 1805 г. австрійскій главнокомандующій Маккъ сдался съ своею арміею Наполеону подъ Ульмомъ. Наполеонъ устремился за тѣмъ противъ русской арміи, которую велъ на помощь австрійцамъ Кутузовъ. Получивъ извѣстіе о пораженіи Макка, Кутузовъ не терялъ однако надежды поправить дѣло и писалъ Императору Францу: «неудача арміи Вашего Величества подъ Ульмомъ весьма чувствительна, но не въ такой степени, чтобы ее нельзя было загладить непоколебимостью и мужествомъ союзныхъ армій». Наполеонъ хотѣлъ нанести русскимъ такой же быстрый и рѣшительный ударъ, какой ему удалось нанести австрійцамъ. Кутузовъ искусными распоряженіями уклонялся отъ рѣшительной битвы, прежде чѣмъ соединится съ остальными русскими войсками, шедшими отъ береговъ Вислы подъ начальствомъ Буксгевдена. Кутузовъ направился на соединеніе съ ними въ Моравію. Французская армія преслѣдовала его стремительно. Происходили время отъ времени жестокія схватки между отрядами русскихъ и французскихъ войскъ. «При встрѣчѣ грудь съ грудью французской и русской пѣхоты, свидѣтельствуетъ одинъ французскій генералъ (Dumas), французскіе гренадеры выказали величайшую неустрашимость, русскіе—*свирѣпое* мужество (un courage féroce); раненые, истерзанные, они сражались съ бѣшенствомъ, пока у нихъ оставалось въ рукахъ оружіе; даже плѣнные кидались на конвойныхъ». При Кремсѣ Кутузовъ переправился на лѣвый берегъ Дуная. Здѣсь приготовился пересѣчь ему путь французскій маршалъ Мортье. Кутузовъ напалъ на него и нанесъ ему полное пораженіе. Самъ маршалъ едва избѣжалъ плѣна. «Битва при Кремсѣ была настоящей рѣзней», писалъ Наполеонъ въ своемъ бюллетенѣ. Русскіе захватили въ этой битвѣ полторы тысячи плѣнныхъ, пять орудій, штандартъ и знамя. Императоръ Францъ прислалъ Кутузову орденъ Маріи Терезіи 1-й степени. Отъ своего Государя Кутузовъ получилъ слѣдующій рескриптъ: «Сраженіе при Кремсѣ есть новый вѣнецъ славы для Россійскаго войска и для того, кто онымъ предводительствовалъ. Моихъ словъ не достаетъ изъявить вамъ и всему корпусу, подъ вашимъ начальствомъ состоящему, то удовольствіе и ту признательность, кои я ощущаю съ полученія

сего пріятнаго извѣстія. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ рапортовъ объ отличившихся, какъ въ семъ дѣлѣ, такъ и въ предъидущихъ. На васъ возлагаю также объявить всему корпусу чувства изъявленныя въ семъ рескриптѣ». При селеніи Шёнграбенѣ Наполеонъ снова пытался отрѣзать Кутузову путь въ Моравію. Кутузовъ отрядилъ туда шеститысячный отрядъ подъ командой Багратіона и поручилъ ему удерживать непріятеля до послѣдней крайности, чтобы дать русской арміи время уйти отъ наступавшихъ силъ Наполеона. Багратіонъ блистательно выполнилъ возложенное на него порученіе. Сорокъ тысячь французскаго войска, предвидимаго лучшими французскими маршалами, Удино, Ланномъ, Сультомъ, напали на отрядъ Багратіона. Отрядъ былъ обойденъ французскими войсками. Русскіе геройски пробивались сквозь превосходныя силы непріятеля. Нѣкоторые изъ русскихъ офицеровъ провели чрезъ непріятельскій огонь свои части войскъ, поставивъ въ головѣ своихъ колоннъ взятыхъ въ плѣнъ французовъ. «Что вы дѣлаете? кричали они непріятельскимъ войскамъ; вы стрѣляете по своимъ; мы французы»! Тамъ, гдѣ нельзя было пробраться хитростію, пробивались силой, либо дрались до тѣхъ поръ, пока падали всѣ до послѣдняго человѣка. Бой длился до 11 часовъ ночи и нашъ отрядъ пробился черезъ ряды непріятеля, получивъ даже отъ австрійцевъ, не любившихъ хорошо отзываться о русскихъ, названіе «геройской дружины» (Heldenschaar). «Ты живъ, этого довольно; о потерѣ не спрашиваю»: такими словами встрѣтилъ Багратіона Кутузовъ послѣ этого славнаго дѣла. Наполеонъ въ своемъ бюллетенѣ отозвался: «русскіе гренадеры выказали неустрашимость». Императоръ Францъ пожаловалъ князю Багратіону командорскій крестъ Маріи-Терезіи. Получивъ донесеніе Кутузова о шёнграбенскомъ дѣлѣ, Императоръ Александръ писалъ ему: «наши сражаются геройски; нельзя ими не восхищаться; горжусь честью стоять во главѣ такого народа». На пути отъ Шёнграбена къ Брюнну Кутузовъ получилъ повелѣніе Императора Франца остановиться и дать при Брюннѣ битву Наполеону. Кутузовъ съ своей стороны не считалъ возможнымъ давать битву до соединенія съ войсками Буксгевдена и продолжалъ отступленіе. Наполеонъ между тѣмъ вступилъ въ переговоры съ Австріей и сдѣлалъ попытку начать переговоры также и съ Россіей. Онъ отправилъ съ письмомъ къ Императору Александру одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Савари, поручивъ ему поздравить нашего Государя съ прибытіемъ къ арміи.

8 сентября въ Вишау армія Кутузова соединилась съ войсками Буксгевдена. Успѣхи, одержанные русскими при схваткахъ съ французами, а также и наклонность къ миру, которую показывалъ Наполеонъ, внушили

приближеннымъ Императора Александра чрезмѣрную увѣренность въ торжествѣ русскихъ надъ французами въ случаѣ битвы. Австрійцы также находили способъ дѣйствій русскаго полководца нерѣшительнымъ и требовали рѣшительной битвы. Иначе думалъ Кутузовъ. Онъ видѣлъ, что принятый имъ способъ веденія войны вѣрнѣе ведетъ къ цѣли. Кутузовъ понималъ хорошо, что имѣетъ дѣло съ необыкновеннымъ полководцемъ; онъ зналъ, какую силу имѣетъ надъ войсками обаяніе, производимое быстрымъ успѣхомъ, и какъ это обаяніе ослабѣваетъ, когда дѣло затягивается и успѣхъ замедляется. Впрочемъ и вообще, какъ извѣстно, Кутузовъ имѣлъ правиломъ подготовлять себѣ успѣхъ предварительными искусными распоряженіями, стараясь поставить противника въ невыгодное положеніе. Такова была его тактика въ турецкую войну (1811 года); этою же тактикою онъ побѣдилъ Наполеона въ отечественную войну. Къ сожалѣнію теперь онъ не располагалъ полною свободою дѣйствія. Его стѣсняло и присутствіе при арміи Государя, находившагося подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ и, конечно, сгаравшаго нетерпѣніемъ нанести какъ можно скорѣе своему противнику пораженіе; еще болѣе того ставило нашего полководца въ затруднительное положеніе—вмѣшательство австрійскихъ генераловъ въ ходъ военныхъ дѣйствій.

Согласно желанію Императора Александра, его штаба, а также и мнѣнію австрійскихъ генераловъ, рѣшено было дать генеральную битву Наполеону подъ Аустерлицемъ. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи союзниковъ, Наполеонъ былъ имъ весьма обрадованъ и боялся лишь, какъбы они его не измѣнили. Поэтому старался всѣми мѣрами поддержать въ нихъ самоувѣренность. Свои войска онъ расположилъ на такой мѣстности, которая болѣе была удобна для обороны, чѣмъ для наступленія. По его приказанію Мюратъ производилъ нерѣшительныя рекогносцировки, которыми старался увѣрить въ желаніи уклониться отъ боя. Наполеонъ даже еще разъ отправилъ того же Савари къ Императору Александру съ предложеніемъ свиданія съ нимъ для начатія мирныхъ переговоровъ. Императоръ Александръ не изъявилъ согласія на свиданія, а отправилъ къ Наполеону для переговоровъ князя Долгорукова. Долгоруковъ, при разговорѣ съ Наполеономъ, держалъ себя гордо, точно русскіе уже одержали побѣду. Онъ сообщилъ Наполеону, что Императоръ Александръ согласится на миръ не иначе, какъ обезпечивъ независимость Италіи, Голландіи и Бельгіи. Наполеонъ отвѣчалъ на эти требованія, что, какъ видно, путемъ дипломатіи дѣло не рѣшится, и съ тѣмъ отпустилъ Долгорукова. Ему важно было убѣдиться, какъ велика самонадѣянность его противниковъ, и увидѣлъ, что степень ея

вполнѣ соотвѣтствуетъ его желаніямъ. Несомнѣваясь болѣе, что битва скоро произойдетъ, Наполеонъ сталъ дѣлать къ ней распоряженія съ свойственнымъ ему искусствомъ. Онъ располагалъ полнымъ знаніемъ мѣстности, гдѣ предстояло происходить битвѣ, и старался имѣть точныя свѣдѣнія о расположеніи войскъ непріятеля.

Совершенно иначе велось дѣло въ союзномъ войскѣ. Тамъ готовились дать битву, не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній о силахъ непріятеля, ни о расположеніи его войскъ. Мѣстность плохо знали австрійскіе военачальники, а русскіе полагались въ этомъ на нихъ. Но самое худшее состояло въ томъ, что не было въ союзномъ войскѣ единой воли и власти, которая бы всѣмъ самостоятельно заправляла. Кутузовъ имѣлъ званіе главнокомандующаго, а между тѣмъ самая битва предпринималась вопреки его убѣжденію. Планъ ея составленъ былъ австрійскимъ генераломъ Вейротеромъ и утвержденъ Императоромъ Александромъ: Кутузовъ не принималъ никакого участія въ составленіи этого плана. Наканунѣ битвы онъ было пытался отклонить отъ нея Государя черезъ посредство оберъ-гофмаршала графа Толстова: «битву мы проиграемъ, говорилъ онъ Толстому». Впослѣдствіи Императоръ Александръ ставилъ въ вину Кутузову, что онъ не былъ въ этомъ случаѣ достаточно настойчивъ. Ошибка заключалась въ томъ, что Кутузову не было предоставлено самому распоряжаться всѣмъ дѣломъ. Тогда-бы онъ, конечно, дѣйствовалъ твердо и по своему усмотрѣнію. Русскій человѣкъ не способенъ приписывать себѣ непогрѣшимость и въ трудныхъ обстоятельствахъ не охотно береть на себя больше отвѣтственности, чѣмъ сколько на него возлагаютъ.

20 ноября 1805 г. произошла знаменитая аустерлицкая битва, «битва трехъ императоровъ» (Drei Kaiser—Schlacht). Вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ присутствовалъ на полѣ сраженія и Императоръ Францъ. Войска, какъ русскія, такъ и австрійскія, зная объ этомъ, сражались съ отличнымъ мужествомъ. Юный русскій монархъ, еще въ первый разъ присутствовавшій въ бою, невозмутимо отдавалъ приказанія, стоя подъ картечными выстрѣлами французовъ. Цесаревичъ Константинъ, Милорадовичъ, князь Волконскій, Дохтуровъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій показали себя героями въ битвѣ. Кутузовъ, уже предвидѣвшій несчастный исходъ ея, сохранялъ однако свое обычное спокойствіе и самообладаніе. Онъ былъ раненъ пулею въ щеку. Узнавъ объ этомъ, Императоръ Александръ прислалъ къ нему своего лейбъ-медика Виллье. «Поблагодарите Государя, сказалъ онъ, моя рана не опасна, вотъ гдѣ смертельная рана»—и указалъ рукой на французовъ, отрядъ которыхъ близко подходилъ въ это время къ тому мѣсту, гдѣ

онъ стоялъ. Наполеонъ искусно воспользовался слабыми сторонами плана битвы, начертаннаго Вейротеромъ, именно растянутостію союзныхъ войскъ и слабостію ихъ центра. Въ самомъ началѣ битвы онъ перерѣзалъ на двое армію союзниковъ, прорвавъ ея центръ. Битва была проиграна союзниками.

Пораженіе подъ Аустерлицемъ произвело подавляющее дѣйствіе на императора Франца. Оно уничтожило въ немъ всякую охоту продолжать войну. Не медля ни мало онъ вступилъ съ побѣдителемъ въ переговоры. На другой же день послѣ битвы императоръ Францъ отправился на свиданіе съ Наполеономъ въ его лагерь. «Вѣрьте мнѣ, говорилъ ему Наполеонъ, не смѣшивайте вашихъ дѣлъ съ дѣлами Императора Александра. Лишь одна Россія можетъ нынѣ вести войну изъ прихоти (une guerre de fantaisie). Русская армія, будучи побѣждена, возвратится въ свои пустыни, а вы должны будете вознаградить военныя издержки уступкою своихъ областей». Миръ былъ заключенъ. Наполеонъ прежде всего потребовалъ отъ Австріи расторженія союза съ Россіей. Императоръ Францъ согласился на это; тѣмъ не менѣе Австрія поплатилась (по пресбургскому миру 14 дек. 1805 г.) многими своими областями (между прочимъ Венеціей, Тиролемъ) въ пользу Франціи, такъ какъ, по выраженію Талейрана, «у Наполеона приходилъ аппетитъ во время ѣды».

Императоръ Александръ, конечно, не менѣе, чѣмъ его союзникъ австрійскій императоръ, былъ огорченъ пораженіемъ своей арміи, но теперь всего менѣе онъ расположенъ былъ примириться съ побѣдителемъ. Когда императоръ Францъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи заключить съ Наполеономъ миръ, онъ отвѣчалъ ему: «дѣлайте, какъ хотите, только не вмѣшивайте меня ни подъ какимъ видомъ».

Русская армія, несмотря на свое пораженіе подъ Аустерлицемъ, не потеряла мужества, не пришла въ разстройство и снова готова была вступить въ бой. Но такъ какъ Австрія заключила съ Франціей миръ, то наши войска должны были оставить австрійскія владѣнія и возвратились въ отечество.

Въ Россіи не могли понять, какъ и отъ чего наше войско не только не одержало побѣды надъ французами, но даже потерпѣло отъ нихъ пораженіе, и приписывали это измѣнѣ австрійцевъ. Князь Долгоруковъ, состоявшій въ штабѣ Государя, говорилъ открыто объ австрійской измѣнѣ. Такое тяжкое обвиненіе ни на чемъ однако не было основано. Вся вина за пораженіе, если только можно въ немъ кого бы то ни было обвинять, падала на распорядителей битвы; бѣда произошла главнымъ образомъ отъ того, что этихъ распорядителей было много. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ русскихъ генераловъ подверглись суро-

вымъ наказаніямъ за дѣло подъ Аустерлицемъ. Само собою разумѣется, что непріязненное чувство русскихъ къ Наполеону съ того времени усилилось. Въ Москвѣ, какъ всегда, особенно горячо принимали къ сердцу неуспѣхъ войны. Къ Наполеону относились тамъ весьма презрительно, называя его *Наполеошкой*, *Корсикашкой* и т. п.

Еще до аустерлицкой битвы Императоръ Александръ старался склонить къ союзу Пруссію. Тамъ военная партія сильно желала войны. Король страшился ея. Однако Пруссія дѣлала всѣ приготовленія къ войнѣ, но выжидала, на какую сторону склонится перевѣсъ въ борьбѣ союзниковъ противъ Франціи. Аустерлицкая битва быстро охладила воинственность Пруссіи. Она спѣшила возобновить союзъ свой съ Франціей. Наполеонъ сдѣлалъ сначала строгое внушеніе прусскому правительству за его двоедушіе; но потомъ умилостивился и заключилъ съ Пруссіей союзъ.

Европейская коалиція распалась. Въ Англіи скончался Питтъ, желавшій продолженія войны съ Франціей; во главѣ управленія сталъ Фоксъ, который былъ расположенъ къ миру. Англійское правительство вступило въ переговоры съ Франціей.

Императоръ Александръ, съ своей стороны, также тогда сдѣлалъ попытку къ мирнымъ переговорамъ съ французскимъ правительствомъ. Статскій совѣтникъ Убри отправленъ былъ съ порученіемъ къ русскому послу въ Вѣнѣ графу Разумовскому, а оттуда ему велѣно было проѣхать въ Парижъ и войти въ сношеніе съ французскимъ министерствомъ насчетъ находившихся въ плѣну русскихъ. На случай же возможности войти въ соглашеніе съ французскимъ правительствомъ, Убри былъ снабженъ полномочіемъ, которое ему предоставлялось предъявить не прежде, какъ когда французское правительство изъявитъ готовность принять опредѣленныя условія мира. Когда Убри, по прибытіи въ Парижъ, сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ возложенное на него порученіе относительно плѣнныхъ, Талейранъ отвѣчалъ ему, что съ нимъ не вступятъ ни въ какіе переговоры, не относящіеся къ заключенію мира. Убри не зналъ, какъ ему поступить. Ему предстояло или возвратиться изъ Парижа ни съ чѣмъ, или превысить свое полномочіе. Онъ имѣлъ неосмотрительность рѣшиться на послѣднее. Начались переговоры. Убри не обладалъ ни характеромъ, ни искусствомъ Маркова. Это знали министры Наполеона и умѣли тѣмъ въ совершенствѣ воспользоваться,—даже выше всякой мѣры. Они, такъ сказать, аттаковали нашего уполномоченнаго и не давали ему ни срока ни отдыха. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мучили его продолжительными совѣщаніями, приглашая его на нихъ внезапно, иногда въ два часа

утра, и заставляли его выдерживать пренія по 14 часовъ сряду, то съ Талейраномъ, то съ генераломъ Кларке, смѣнявшими другъ друга. Когда Убри, послѣ долгихъ преній, получалъ согласіе своихъ противниковъ на какое нибудь условіе, они въ дальнѣйшихъ преніяхъ отказывались потомъ отъ своихъ словъ. Наконецъ, измученный всѣмъ этимъ, нашъ уполномоченный заключилъ мирный договоръ, въ которомъ были условія, противорѣчившія даннымъ ему иструкціямъ. Когда данъ былъ ему для подписи этотъ договоръ, онъ брался за перо нѣсколько разъ и снова оставлялъ его. «Подпишите, подпишите, настаивали французскіе министры; отъ воли вашего Государя зависитъ утвердить или нѣтъ заключенныя вами условія.» Убри подписалъ, но за тѣмъ былъ въ горѣ. Онъ извѣстилъ русское посольство въ Лондонѣ о всѣхъ обстоятельствахъ своихъ переговоровъ и прибавлялъ, что «несетъ въ Петербургъ свою повинную голову». Въ Петербургъ онъ привезъ съ собой письмо Лагарпа къ Императору Александру, въ которомъ тотъ увѣрялъ Государя, что Убри дѣйствовалъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ и сдѣлалъ все, что только отъ него зависѣло.

Между тѣмъ русскій военный флотъ подъ начальствомъ вицеадмирала Сенявина продолжалъ военныя дѣйствія противъ французовъ въ южныхъ моряхъ. Съ помощью черногорцевъ Сенявинъ занялъ въ адріатическомъ морѣ укрѣпленную гавань Бокка-ди-Каттаро. Наполеонъ, на основаніи заключеннаго съ Австріей мира, потребовалъ отъ вѣнскаго двора закрыть русскимъ доступъ въ австрійскія гавани и задерживать наши купеческія суда, находившіяся тогда въ Тріестѣ. Узнавъ объ этомъ, Сенявинъ подошелъ къ Тріесту съ небольшой эскадрой и сталъ подъ самыми баттареями крѣпости. Тріестскій комендантъ Цахъ потребовалъ, чтобы наши суда отошли на пушечный выстрѣлъ. «Стрѣляйте, отвѣчалъ на это Сенявинъ, я увижу, гдѣ лягутъ ваши ядра и гдѣ мнѣ должно стать». Австрійцы грозили ему двадцати-тысячнымъ французскимъ корпусомъ, стоявшимъ близъ Тріеста. Сенявинъ приказалъ сказать на это Цаху, что откроетъ канонаду по городу черезъ часъ, если не получитъ задержанныхъ русскихъ судовъ. Австрійскій комендантъ вынужденъ былъ исполнить его требованіе.

Сенявинъ за тѣмъ, вступивъ въ соглашеніе съ черногорскимъ владыкою, митрополитомъ Петромъ Негушемъ, открылъ дѣйствія противъ французскихъ войскъ, занимавшихъ, подъ начальствомъ генерала Лористона, крѣпкую позицію близъ Рагузы. Наши союзники черногорцы были отличные воины, но имѣли странный нравъ: рѣзали головы всѣмъ плѣннымъ французамъ, которые попадались въ ихъ руки. Сенявинъ обѣщалъ выдавать имъ по червонцу за каждаго плѣннаго, кото-

тораго ему доставятъ живымъ; черногорцы однако предпочитали рѣзать плѣнныхъ головы. Сенявинъ осадилъ новую Рагузу. Въ это время, вслѣдствіе подписанія русскимъ уполномоченнымъ предварительныхъ условій мира съ Франціей, Сенявинъ неожиданно получилъ высочайшее повелѣніе сдать австрійцамъ Бокку Котторскую (Каттаро), которую австрійское правительство обязалось уступить французамъ. Узнавъ объ этомъ, жители Бокки послали депутацію къ нашему адмиралу объявить ему, что они всѣ согласились между собою опустошить свою страну, покинуть ее и слѣдовать всюду за его эскадрой, лишь бы не сдѣлаться рабами Бонапарта. Многія семейства удалились въ Корфу; другія, приготовивъ къ сожженію свои дома, перебирались на суда; вездѣ раздавался плачь дѣтей и женщинъ. Сенявину предстояло или повергнуть въ отчаяніе преданное Россіи населеніе, исполнивъ волю Государя, или же—нарушить Высочайшее повелѣніе. «Пошлемъ къ Государю выборныхъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ, сказалъ онъ котторскимъ депутатамъ, будемъ надѣяться на его милосердіе, а въ ожиданіи отвѣта я не оставлю васъ». Онъ привелъ въ оборонительное положеніе котторскую крѣпость. Всѣ жители города вооружились. Вездѣ раздавались клики: «да здравствуетъ Сенявинъ»! Жители толпились вокругъ него, кланялись ему до земли и цѣловали слѣды его ногъ. Получивъ отъ самого Убри депешу о заключеніи съ Франціей мира и предписаніе сдать французамъ Каттаро, Сенявинъ все таки не сдавалъ крѣпости подъ тѣмъ предлогомъ, что въ трактатѣ не было объ этомъ сказано. Министръ морскихъ силъ въ Россіи черезъ нашего посла въ Вѣнѣ подтвердилъ ему Высочайшее повелѣніе о сдачѣ Каттаро австрійцамъ. Сенявинъ отвѣчалъ, что онъ послалъ по сему предмету донесеніе Государю и будетъ ждать до новаго приказанія.

Когда Убри привезъ съ собою въ Петербургъ подписанный имъ трактатъ, императоръ Александръ повелѣлъ внести это дѣло на разсмотрѣніе въ Совѣтъ. Совѣтъ единогласнымъ мнѣніемъ всѣхъ своихъ членовъ призналъ трактатъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Россіи. Государь отказался его ратификовать. Всѣ ухищренія наполеоновскихъ дипломатовъ ни къ чему не послужили. Наполеонъ излилъ свой гнѣвъ на петербургскій кабинетъ черезъ французскую печать. Оффиціальныя и неоффиціальныя французскія газеты наперерывъ осыпали упреками въ вѣроломствѣ наше правительство. Въ отвѣтъ на это императоръ Александръ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе содержаніе подписаннаго Убри трактата и указалъ причины, по которымъ считаемъ для себя невозможнымъ его ритифицировать. Вслѣдъ за тѣмъ Сенявинъ получилъ приказаніе продолжать военныя дѣйствія противъ французовъ и, если

Каттаро уже сдано имъ, то занять его снова. Сенявинъ съ успѣхомъ началъ дѣйствовать противъ французскихъ войскъ въ Далмаціи, но вслѣдствіе разрыва Россіи съ Турціей получилъ приказаніе отправиться со своей эскадрой въ Архипелагъ. Начальство въ Каттаро онъ сдалъ капитану 1-го ранга Баратынскому.

Наполеонъ скоро довелъ своего союзника короля прусскаго до послѣдняго предѣла терпѣнія. Онъ обращался съ Пруссіей, какъ съ подчиненной ему державой, столько же насильственно, сколько и презрительно. Вступивъ въ переговоры съ Россіею и Англіею, онъ хотѣлъ изолировать Пруссію, чтобы вполнѣ имѣть ее въ своихъ рукахъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ чувствовалъ на себѣ все давленіе желѣзной руки императора французовъ и не зналъ, какъ вырваться изъ-подъ этого давленія. Единственно, кто могъ подать ему руку помощи, былъ русскій царь. Онъ поддерживалъ, тайно отъ Наполеона, постоянныя дружескія сношенія съ императоромъ Александромъ, который, съ своей стороны, неизмѣнно выражалъ ему свою всегдашнюю готовность дѣйствовать въ союзѣ съ нимъ противъ общаго врага. Король понималъ ясно неизбѣжность разрыва съ Франціей, но выжидалъ до послѣдней возможности. Онъ хотѣлъ, чтобы къ союзу присоединилась и Австрія. Но Австрія теперь этого не хотѣла. Оставался одинъ императоръ Александръ, который хотя также старался склонить къ войнѣ Австрію, но готовъ былъ вступить въ борьбу съ Наполеономъ и безъ нея, въ союзѣ съ одной Пруссіей. Пруссія имѣла довольно большую, но плохую армію. Прусскіе генералы все были очень старые люди и все очень бездарные. Таково было мнѣніе о нихъ ихъ собственнаго генералиссимуса, герцога брауншвейгскаго, которое онъ и высказывалъ не стѣсняясь. Но сами прусскіе военные люди были о себѣ чрезвычайно высокаго понятія. Они говорили: «французы еще не имѣли дѣла съ пруссаками; пусть лишь объявятъ походъ, побѣда будетъ наша, развѣ только—слишкомъ легкая, чтобы ею гордиться». На одномъ изъ потсдамскихъ парадовъ прусскій генералъ Рюхель сказалъ: «такихъ генераловъ, какъ господинъ Бонапарте, въ арміи Его Величества нашего короля много». Это была устарѣлая армія, съ устарѣлыми формами и дисциплиной, данными ей Фридрихомъ Великимъ, но лишенная того духа, какимъ оживлялъ ее его геній. Вооруженіе было дурное, расчитанное только для парадовъ. Ружья полировали и тёрли съ такимъ усердіемъ, что изъ нихъ опасно было стрѣлять боевыми снарядами. Зная все это, король боялся войны. Тѣмъ не менѣе, ободряемый союзомъ съ императоромъ Александромъ, его дружбою и твердостію, поощряемый его настояніями, позволилъ себѣ смѣлый шагъ относительно

Наполеона. 25 сентября (н. ст.) 1806 г. онъ отправилъ ультиматумъ французскому правительству, вмѣстѣ съ длиннымъ письмомъ (на двадцати страницахъ) къ Наполеону, въ которомъ объяснялъ причины, побудившія его къ такому шагу. Отвѣтомъ Наполеона на прусскій ультиматумъ были призывъ къ войнѣ своей арміи и оскорбительныя выходки въ бюллетенѣ насчетъ короля и королевы. 9 октября (н. ст.) Пруссія объявила войну Франціи.

Съ тою же быстротою и легкостію, съ какою Наполеонъ нанесъ пораженіе Австріи, онъ сокрушилъ и Пруссію при самомъ началѣ войны 1806—1807 годовъ. Въ двухъ битвахъ, при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, происшедшихъ въ одинъ и тотъ же день (2 октября), была уничтожена прусская армія. Послѣ того всѣми въ Пруссіи овладѣла паника. Цѣлыя дивизіи слагали передъ французскими войсками оружіе безъ выстрѣла. Сильныя крѣпости сдавались гусарскимъ отрядамъ. Въ нѣсколько дней прусскій король потерялъ армію, столицу, государство. Наполеонъ вступилъ въ Берлинъ. «Душевно желаю, писалъ ему несчастный Фридрихъ Вильгельмъ, чтобы вы были приняты въ моемъ дворцѣ какъ можно лучше, къ чему я принялъ всѣ зависѣвшія отъ меня мѣры. Позвольте мнѣ, съ своей стороны, поручить великодушію вашего Императорскаго Величества мою столицу и Бранденбургію. Скудно одаренная природою эта область есть какъ-бы созданіе моего безсмертнаго дѣда. Благоволите, Государь, считать ее памятникомъ, имъ воздвигнутымъ самому себѣ: сходство между вами и симъ великимъ мужемъ, конечно, побудитъ васъ пощадить его твореніе» и проч. Не смотря на такое великое униженіе и лесть короля, Наполеонъ предъявилъ Пруссіи столь тяжолыя требованія, что Фридрихъ Вильгельмъ, при всемъ своемъ малодушіи, отказался ихъ выполнить. Онъ поручилъ свою судьбу и спасеніе своей монархіи великодушному заступничеству русскаго царя.

Получивъ извѣстіе о несчастіяхъ, постигшихъ Пруссію, Императоръ Александръ писалъ королю: «волнуемый сомнѣніемъ и душевнымъ безпокойствомъ, долгомъ считаю повторить Вашему Величеству самое торжественное обѣщаніе въ томъ, что, каковы бы ни были послѣдствія Вашихъ великодушныхъ усилій, я никогда не откажусь отъ извѣстныхъ Вамъ своихъ намѣреній. Будучи вдвойнѣ связанъ съ Вашимъ Величествомъ, въ качествѣ союзника и узами нѣжнѣйшей дружбы, не нахожу никакой жертвы, никакихъ усилій, которыхъ бы я не сдѣлалъ, чтобы доказать Вамъ вполнѣ мою преданность драгоцѣннымъ обязанностямъ, на мнѣ лежащимъ..... Соединимся тѣснѣе, нежели когда либо; пребудемъ вѣрны чести и славѣ, и предоставимъ прочее промыслу, который, рано или поздно, положитъ конецъ успѣхамъ хищенія и тиранства, даруя торжество святому дѣлу».

Между тѣмъ прусскія крѣпости продолжали сдаваться французамъ. Германскіе государи наперерывъ спѣшили изъявить свою покорность и преданность Наполеону. Саксонскій курфирстъ присоединилъ свои войска къ его арміи. Баварскій курфирстъ, получившій отъ Наполеона (по пресбургскому миру) королевскій титулъ, вступилъ съ нимъ въ родственный союзъ, выдавъ дочь свою Августу за его пасынка Евгенія Богарне. Незадолго предъ тѣмъ предположенъ былъ бракъ великой княжны Екатерины Павловны съ наслѣднымъ баварскимъ принцемъ. Но когда Императоръ Александръ узналъ о бракосочетаніи баварской принцессы съ однимъ изъ членовъ семейства Бонапартовъ, то отказалъ въ рукѣ сестры своей наслѣдному баварскому принцу.

Получивъ извѣстіе о томъ, что Прусскій король не принимаетъ условій, предложенныхъ ему побѣдителемъ, и не оставляетъ союза съ Императоромъ Александромъ, Наполеонъ сказалъ: «на отвѣтственность короля лягутъ всѣ послѣдствія продолженія войны; если французскія войска одержатъ надъ русскими побѣду, то прусское королевство перестанетъ существовать». Такъ какъ прусской арміи уже не существовало и вся Пруссія находилась въ рукахъ французовъ, то продолжать войну съ Наполеономъ приходилось Россіи однѣми своими силами. Императоръ Александръ тщетно старался склонить къ войнѣ Австрію и Англію. Наполеонъ же успѣлъ въ это время возстановить противъ насъ Польшу и Турцію. Положеніе Россіи становилось весьма труднымъ. Императоръ Александръ опасался вторженія французовъ въ предѣлы нашего отечества. Тогда родилась въ немъ мысль о народномъ ополченіи, которая принадлежитъ ему первому въ новѣйшее время. Манифестомъ 30 ноября 1806 года онъ повелѣлъ составить *временное ополченіе* или *милицію* въ 612,000 ратниковъ, взятыхъ съ 31 губерніи; прочія губерніи обязаны были взносить деньги, хлѣбъ, оружіе и аммуницію. Однакожъ вторженія французовъ въ предѣлы Россіи въ этотъ разъ не послѣдовало и народное ополченіе не принимало участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Участь войны рѣшена была на западной нашей границѣ, между Вислою, Нѣманомъ и Бугомъ. Главнокомандующимъ русскими войсками назначенъ былъ престарѣлый фельдмаршалъ графъ Каменскій, о которомъ въ свое время съ похвалою отзывался Суворовъ, говоря, что *онъ знаетъ тактику.* Теперь ему было 69 лѣтъ, онъ плохо видѣлъ, съ трудомъ могъ ѣздить на конѣ, словомъ былъ совершенно неспособенъ командовать войскомъ, какъ и писалъ объ этомъ самъ Государю: «я лишился почти послѣдняго зрѣнія, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи изъ Вильно; ни одного города на картѣ самъ отыскать не могу...; боль въ глазахъ и головѣ; не способенъ я долго верхомъ ѣздить; пожалуйте

мнѣ, если можно, наставника, друга вѣрнаго, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при немъ въ арміи; истинно чувствую себя неспособнымъ къ командованію столь обширнымъ войскомъ». По прибытіи къ арміи онъ снова писалъ Государю о своей неспособности управлять военными дѣйствіями и просилъ замѣнить его другимъ. Однако его просьба осталась безъ послѣдствій. Начались военныя дѣйствія. Понятно, какъ должно было итти дѣло при такомъ главнокомандующемъ. «Трудно повѣрить, писалъ о немъ Беннигсенъ, сколько онъ сдѣлалъ вреда и какъ онъ все разстроилъ». Наконецъ онъ самъ сложилъ съ себя командованіе и удалился изъ арміи. Начальство надъ нею онъ сдалъ старшему по себѣ генералу графу Буксгевдену, которому подчинилъ Беннигсена. Но Беннигсенъ не хотѣлъ ему повиноваться, такъ какъ былъ такимъ же корпуснымъ командиромъ, какъ и Буксгевденъ. На помощь фельдмаршалу былъ присланъ изъ Петербурга генералъ Кнорринг, который, въ свою очередь, не хотѣлъ никому подчиняться и домогался самъ начальствованія надъ войсками. Такимъ образомъ въ русской арміи было полное безначаліе. Положеніе ея было весьма критическое. Согласно распоряженіямъ фельдмаршала, русскія войска сосредоточились у Пултуска, гдѣ графъ Каменскій намѣревался было дать сраженіе французамъ. Но при своемъ отъѣздѣ изъ арміи онъ далъ приказаніе Буксгевдену отступать и бросать на дорогѣ батарейную артиллерію, если она будетъ затруднять движеніе войскъ. Беннигсенъ, несмотря на приказаніе главнокомандующаго, рѣшился дать французамъ битву при Пултускѣ. Онъ бралъ на себя громадную отвѣтственность и могъ весьма дорого поплатиться въ случаѣ неудачи. Беннигсенъ былъ нелюбимъ при дворѣ. Рѣшаясь на битву, онъ вдвойнѣ нарушалъ повиновеніе, дѣйствуя вопреки приказанію главнокомандующаго, а также и предписанію Буксгевдена. Русская армія находилась въ разстройствѣ: она была изнурена переходами по дурнымъ дорогамъ, въ непастную осень, при скудномъ продовольствіи. Мѣстность у Пултуска въ осеннее время отъ дождей становится топкою и затрудняетъ движеніе всѣхъ родовъ войскъ, но особенно артиллеріи. Несмотря на все это, Беннигсенъ сталъ твердою ногою при Пултускѣ и ждалъ непріятеля. 15 декабря произошла битва. Упорный, отчаянный бой продолжался съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера, при сильной вьюгѣ, подъ густымъ снѣгомъ. Непріятель отраженъ былъ на всѣхъ пунктахъ. Особенно искусно дѣйствовала русская артиллерія. Въ битвѣ, между прочимъ, участвовали, какъ начальники отдѣльныхъ отрядовъ, генералы Багговутъ и Барклай-де-Толли. Французы потеряли отъ 7 до 10 тысячъ человѣкъ. Маршалъ Ланнъ, начальствовавшій французскими войсками,

былъ раненъ. Смѣлость Беннигсгена награждена была полнымъ успѣхомъ. Государь пожаловалъ ему орденъ св. Георгія 2-й ст. и 5000 червонцевъ.

Еще болѣе блистательное дѣло въ тотъ же самый день происходило при Голыминѣ. Здѣсь командовалъ русскими войсками князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ. Противъ него посланы были Наполеономъ корпуса Ожеро, Даву и Сульта, съ кавалеріей подъ начальствомъ Мюрата. Въ концѣ битвы прибылъ на мѣсто сраженія самъ Наполеонъ. Всѣ аттаки лучшихъ его генераловъ были отражены съ совершеннымъ успѣхомъ княземъ Голицынымъ, имѣвшимъ предъ собою вчетверо сильнѣйшаго непріятеля. Голицынъ за это дѣло былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ 3-й степени.

Послѣ битвы при Пултускѣ Беннигсгенъ назначенъ былъ главнокомандующимъ русской арміей на мѣсто графа Каменскаго. Желая оправдать лестное довѣріе Государя, Беннигсгенъ рѣшился перейти въ наступленіе. Замѣтивъ, что корпусъ Бернадотта потерялъ связь съ главною арміею, онъ двинулся на него, съ цѣлію истребить его. Наполеонъ уже отвелъ было свои войска на зимнія квартиры и самъ отправился въ Варшаву. Узнавъ о движеніи Беннигсгена противъ Бернадота, онъ со всѣми своими силами устремился въ тылъ русской арміи, угрожая отрѣзать ее отъ предѣловъ Россіи. Тогда Беннигсгенъ оставилъ въ покоѣ Борнадота и отступилъ къ Прейсишъ-Эйлау. Здѣсь настигъ его Наполеонъ и заставилъ дать битву. Она происходила 27 января 1807 года. Въ ней дѣйствовало 58,000 русскихъ войскъ, при 950 орудіяхъ. Бой кипѣлъ двое сутокъ почти непрерывно. Обѣ арміи сражались съ величайшимъ упорствомъ, считая эту битву за рѣшающую исходъ войны. Корпусъ Ожеро весь почти былъ истребленъ огнемъ русскихъ баттарей. Русскіе брали перевѣсъ, Наполеонъ уже думалъ отступать. Но прибытіе корпуса Нея усилило армію французовъ свѣжими силами. У насъ введены были въ дѣло всѣ войска до послѣдняго баталіона. Беннигсгенъ, получивъ рапорты корпусныхъ командировъ, увидѣлъ, что уже около половины русскихъ солдатъ выбыло изъ строя: наличное число войскъ не превышало 30,000 человѣкъ. Тогда онъ призналъ за лучшее отступить. Впослѣдствіи Наполеонъ говорилъ Чернышеву: «я назвалъ себя побѣдителемъ при Эйлау, потому только, что вамъ угодно было отступить». Трудно, конечно, сказать, насколько слова его были искренни. Во всякомъ случаѣ бой остался нерѣшеннымъ и обѣ арміи разошлись въ разныя стороны: русская—на сѣверъ, къ Кёнигсбергу, французская—на югъ. Военныя дѣйствія прекратились на четыре мѣсяца.

Пользуясь пріостановкой военныхъ дѣйствій, русская армія, расположенная на кантониръ-квартирахъ подъ Кёнигсбергомъ, успѣла нѣсколько возстановить свои силы. Прусскія власти и частныя лица старались, сколько могли, помочь ея нуждамъ, снабжая наши войска продовольствіемъ, обувью, мастеровыми, врачами. Знатнѣйшіе изъ кёнигсбергскихъ жителей составили общество для вспоможенія русскимъ раненымъ. Прусская королева прислала Беннигсгену, для раздачи раненымъ, двѣсти фридрихсдоровъ, изъявляя сожалѣніе, что «несчастныя обстоятельства не позволяютъ ей сдѣлать для храбрыхъ русскихъ воиновъ все, чего желаетъ ея сердце».

Французскія войска не менѣе нашихъ нуждались въ отдыхѣ. Наполеонъ писалъ въ это время брату своему Іосифу: «чиновники моего штаба, полковники, офицеры не раздѣвались въ продолженіи двухъ, иные—четырехъ мѣсяцевъ; я самъ не скидалъ сапогъ цѣлыя двѣ недѣли.... Мы ведемъ войну во всемъ ея ужасѣ. Среди этихъ необычайныхъ трудовъ всѣ болѣе или менѣе больны» и проч. Онъ обратился было къ Беннигсгену съ предложеніемъ перемирія, но тотъ отвѣчалъ, что «императоръ Александръ поручилъ ему сражаться, а не вести переговоры».

Наполеонъ озаботился усилить свою армію свѣжими подкрѣпленіями. Русская армія также весьма нуждалась въ подкрѣпленіяхъ. Выдержавъ цѣлый рядъ битвъ съ непріятелемъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ перевѣсъ силы и искусства, сражаясь во всѣхъ этихъ битвахъ съ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ, вынося всякія лишенія въ походахъ, она понесла большой уронъ въ своемъ составѣ. На пополненіе и подкрѣпленіе ея посланы были изъ Россіи резервы и гвардія, но и послѣ этого французская армія имѣла надъ нашею большой численный перевѣсъ. Какъ мы выше упоминали, императоръ Александръ, при самомъ же началѣ этой войны, въ виду полнаго пораженія прусскихъ войскъ, обратился къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для увеличенія нашихъ военныхъ силъ, именно—къ призыву народнаго ополченія. 18 баталіоновъ стрѣлковъ, сформированныхъ такимъ образомъ въ 18 губерніяхъ, отправлено было тогда въ армію. Но бо́льшая часть народнаго ополченія не могла быть двинута на театръ военныхъ дѣйствій по неудовлетворительности своего вооруженія. Только пятую часть милиціи считалось возможнымъ снабдить ружьями, остальныхъ предполагалось вооружить пиками. Очевидно, такого рода войско не могло быть употреблено для дѣйствій противъ регулярной непріятельской арміи. Не для того оно и назначалось. Ополченіе созвано было на случай вторженія французовъ въ предѣлы Россіи. Здѣсь, въ родной землѣ, оно съ успѣхомъ могло-бы вести

партизанскую войну, или служить, до нѣкоторой степени, для оборонительныхъ дѣйствій. Но въ чужой странѣ, при правильной войнѣ, оно лишь могло увеличить собою затрудненія нашей регулярной арміи. Уже одно продовольствіе ополченія представило бы собою неодолимую трудность, такъ какъ и безъ того продовольствіе нашей арміи оказывалось самымъ труднымъ дѣломъ въ эту войну. Словомъ о содѣйствіи народнаго ополченія нашей дѣйствующей арміи не могло быть и рѣчи въ этотъ разъ. Не должно забывать, что въ это же время Россія была въ войнѣ съ Турціей и Персіей: Порту успѣлъ возстановить противъ насъ Наполеонъ вскорѣ послѣ аустерлицкой битвы, а съ Персіей война велась уже съ 1804 года. Такимъ образомъ силы Россіи были развлечены. Мы единовременно вели три отдѣльныхъ войны. Особенно тяжело было тогда положеніе Россіи и нашего правительства—вслѣдствіе истощенія нашихъ финансовыхъ средствъ.

Вступая вторично въ борьбу съ Наполеономъ, Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что найдетъ себѣ сочувствіе и поддержку въ европейскихъ державахъ. Онъ имѣлъ всѣ основанія такъ думать. Англія, при открытіи войны, давала торжественныя обѣщанія союзникамъ оказать имъ свое содѣйствіе и деньгами и войскомъ: англичане хотѣли сдѣлать высадку въ Голландію или на берега Франціи. Сдѣлай это теперь Англія, Наполеонъ былъ-бы поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Еще больше могла повредить ему Австрія. Ей весьма легко было въ то время выставить отъ 100 до 150 тысячъ войска и двинуть его въ тылъ французской арміи. Императоръ Александръ старался всѣми мѣрами склонить къ этому Австрію. Наполеонъ сильно тогда опасался подобнаго движенія съ ея стороны: ему пришлось-бы тогда думать о своемъ спасеніи; поставленный между двухъ союзныхъ войскъ, онъ могъ попасть въ плѣнъ со всею своею арміей. Вмѣсто всего этого Австрія прислала къ нему въ Варшаву своего уполномоченнаго, барона Винцента, съ предложеніемъ дипломатическаго посредничества. Наполеонъ, конечно, былъ несказанно этимъ обрадованъ. Онъ весьма ласково принялъ австрійскаго посла, тянулъ съ нимъ переговоры и дѣятельно готовился къ продолженію войны, совершенно покойный на счетъ Австріи.

Еще болѣе заслуживаетъ удивленія тогдашнее поведеніе Англіи. Ни одного изъ своихъ обѣщаній она не исполнила. Мало того, англійское правительство, безъ малѣйшаго основанія и повода, нашло возможнымъ выразить недовѣріе свое къ Россіи. Нуждаясь въ средствахъ для веденія войны, Императоръ Александръ просилъ лондонскій кабинетъ о томъ, чтобы онъ оказалъ свое содѣйствіе въ займѣ 6 милліо-

новъ фунтовъ стерлинговъ у англійскихъ банкировъ. Лондонскій кабинетъ отказалъ даже въ такой ничтожной услугѣ и свой отказъ сопровождалъ замѣчательнымъ объясненіемъ. «На займы государственные, разсуждалъ онъ, не должно смотрѣть, какъ на займы частныхъ лицъ; въ случаѣ измѣненія дружественныхъ отношеній между правительствами, а тѣмъ паче—при разрывѣ между ними, *желаніе нанести вредъ непріятелю можетъ взять верхъ надъ совѣстливымъ исполненіемъ обязательствъ*». Между тѣмъ въ томъ же своемъ отвѣтѣ русскому правительству лондонскій кабинетъ признаетъ, что Россія всегда соблюдала вѣрность своимъ обязательствамъ; но, какъ видно, англійское правительство все таки считало болѣе вѣрнымъ судить о другихъ по себѣ. Получивъ отъ лондонскихъ мудрецовъ такое любопытное заявленіе, Императоръ Александръ, конечно, не захотѣлъ болѣе обращаться къ нимъ за содѣйствіемъ.

Представляется, на первый взглядъ, непонятнымъ это равнодушіе европейскихъ правительствъ къ дѣлу, которое они всѣ сами признавали своимъ общимъ дѣломъ, дѣломъ общеевропейскимъ. Въ частности Англія и Австрія должны были каждая видѣть свой непосредственный интересъ въ уничтоженіи или ограниченіи владычества Наполеона въ Европѣ. Англія вела съ Наполеономъ непрерывную войну и знала, что онъ изыскиваетъ всѣ мѣры и употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы подорвать ея морское могущество. Австрію онъ вытѣснилъ изъ Италіи, лишилъ вліянія и многихъ владѣній въ Германіи, могъ лишить еще многаго, попрать ее совершенно. Русскій государь добровольно и безкорыстно предпринялъ положить конецъ такому положенію вещей и европейскія правительства видѣли, что онъ въ состояніи это сдѣлать, если они съ своей стороны окажутъ ему необходимую поддержку. Но этого они и не хотѣли дѣлать: какая же была тому причина? Причиною былъ страхъ передъ самой Россіей. Европейскія правительства видѣли, что Россія даже и одна, безъ ихъ помощи, при самыхъ неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, способна выдерживать борьбу съ наполеоновской Франціей, столь могущественной и столь для всѣхъ ихъ страшной. Что же будетъ, когда Россія одолѣетъ Францію? Она можетъ сама тогда занять въ Европѣ мѣсто той силы, которую низложила. Ея преобладаніе или диктатура въ Европѣ будетъ тяжелѣе французской, потому что будетъ прочнѣе, постояннѣе, а особенно—потому, что Россія и русскій народъ чужды западной Европѣ, имѣютъ свой особенный характеръ, свой особенный духовный складъ и бытовой строй, отличные отъ тѣхъ, какіе свойственны западно-европейцамъ. Это—сила, для нихъ чуждая, а потому и особенно страшная. Таковъ взглядъ на насъ

въ западной Европѣ и онъ всегда болѣе или менѣе руководитъ отношеніями къ намъ западно-европейскихъ государствъ... Но сверхъ того не забудемъ, что Англія и Австрія имѣли тогда, какъ и теперь, *свои интересы на востокѣ*, а тамъ-то именно, на востокѣ, и есть главный страхъ, величайшій страхъ, идущій все отъ той же Россіи.

Спрашивается, въ такомъ случаѣ, для чего же и для кого Россія и ея Государь дѣлали всѣ эти усилія, приносили всѣ эти жертвы, какихъ стоила борьба съ Наполеономъ? Не лучше ли, не полезнѣе ли бы для насъ было предоставить Европѣ самой вѣдаться съ Наполеономъ, какъ она знаетъ и можетъ? Императоръ Александръ въ продолженіи всей этой тяжкой борьбы постоянно указывалъ тѣ побужденія и цѣли, какими при этомъ онъ руководимъ былъ, высказывалъ ихъ и въ оффиціальныхъ дипломатическихъ документахъ, и въ дружескихъ конфиденціальныхъ письмахъ къ государямъ, и на словахъ—въ разговорахъ съ разными лицами. Цѣль эта была—благо и спокойствіе народовъ Европы, обузданіе произвола и насилія, какими были проникнуты дѣйствія Наполеона, защита и охраненіе правъ государей и народовъ, которыя были попираемы имъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозривать искренность такихъ завѣреній императора Александра: они находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ его характеромъ, воспитаніемъ, настроеніемъ его мыслей и съ его дѣлами. Но можно и должно спросить: были-ли такія возвышенныя, безкорыстныя цѣли и побужденія въ соотвѣтствіи съ интересами Россіи?

Всѣмъ намъ, мм. гг., извѣстны упреки, часто дѣлаемые императору Александру за его идеализмъ, за отвлеченный гуманизмъ во внѣшней политикѣ, подъ вліяніемъ котораго прямые интересы Россіи будто-бы приносились въ жертву идеѣ общаго блага. Общепринятая политическая мудрость гласитъ, что такая гуманная, идеальная политика не пригодна въ дѣйствительности, не практична, вредна для той страны, правительство которой руководится подобной политикой. Всѣми признано, что идеальность взглядовъ и характера и въ частномъ человѣкѣ вредно отзывается на его дѣлахъ, тѣмъ болѣе неумѣстна въ государственныхъ людяхъ; что гуманныя чувства и идеальныя воззрѣнія позволительно имъ высказывать въ дипломатическихъ депешахъ и нотахъ, вообще—на бумагѣ и на словахъ, но—никакъ не прилагать на дѣлѣ.

Въ отвѣтъ на это скажемъ, что борьба, которую императоръ Александръ велъ противъ деспотизма Наполеона, находила себѣ сочувствіе во всей Россіи, принималась горячо къ сердцу всѣмъ русскимъ народомъ, какъ борьба необходимая, законная, священная. Если здѣсь сколько нибудь умѣстенъ упрекъ въ идеализмѣ, то русскій монархъ

раздѣляетъ его со всѣмъ своимъ народомъ. Онъ являлся въ этой борьбѣ выразителемъ мыслей своего народа, исполнителемъ народныхъ желаній. Въ тоже время онъ выполнялъ тѣмъ требованіе здравой, разумной государственной политики. Россія не могла безучастно относиться къ чрезвычайному усиленію одной изъ европейскихъ державъ, къ потрясеніямъ, волновавшимъ Европу, не могла спокойно ждать, пока она вся окажется подъ властію деспота, не знавшаго предѣла своему честолюбію и властолюбію. Въ томъ и заключалось великое превосходство русскаго монарха предъ тогдашними европейскими правителями, что онъ обладалъ широкими и возвышенными политическими воззрѣніями. По тому самому онъ былъ дальновиднѣе ихъ всѣхъ и вмѣстѣ—сильнѣе нравственно. Каждое изъ тогдашнихъ европейскихъ правительствъ руководилось своими частными, узкими и своекорыстными побужденіями и цѣлями; оттого ни одно изъ нихъ не въ состояніи было побороть наполеоновской Франціи. Русскій государь одинъ былъ *идеалистомъ* между всѣми ими и потому *онъ одинъ* во всей Европѣ способенъ былъ низложить Наполеона. Идеализмъ, истинный идеализмъ, не мечтательность, есть великая сила въ исторіи, предъ которой рано или поздно склоняется всякая другая сила.

Въ чемъ, мм. гг., состоитъ могущество Россіи, о которомъ такъ много говорятъ въ Европѣ? Едва ли даютъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ. Главнымъ образомъ имѣютъ при этомъ въ виду чрезвычайную обширность нашего отечества. Но это, конечно, не составляетъ его силы, скорѣе—слабость, такъ какъ степень его населенности не соотвѣтствуетъ его обширности. Если говорить *о силѣ*, то перевѣсъ ея несомнѣнно на сторонѣ западно-европейскихъ государствъ, не на нашей. Россія уступаетъ имъ, или большей части изъ нихъ, въ степени своего развитія, а оно и составляетъ силу государствъ. Особенно это должно сказать объ нашемъ экономическомъ развитіи. Поэтому всякая война стоитъ намъ великихъ усилій. Войны обходятся намъ дороже, требуютъ отъ насъ бо́льшаго напряженія силъ и бо́льшихъ жертвъ, чѣмъ какъ отъ стоящихъ на высшей степени развитія западно-европейскихъ народовъ. Въ недавнее время на нашихъ глазахъ одна изъ великихъ европейскихъ державъ была совершенно разгромлена другою и однако она быстро послѣ того совсѣмъ оправилась. На насъ тяжелѣе ложатся послѣдствія войнъ даже и тогда, когда мы одерживаемъ верхъ надъ врагомъ. Намъ долго потомъ приходится залечивать свои раны. Наполеоновская Франція была сильнѣе Россіи. Наполеонъ скорѣе и легче могъ набирать арміи, болѣе многочисленныя, лучше вооруженныя и лучше обученныя, чѣмъ какъ въ состояніи была сдѣлать это Россія.

И однакоже, въ концѣ всего, Россія восторжествовала надъ Франціей и соединенной съ ней Европой. Мы знаемъ, мм. гг., чему, какой силѣ народное русское сознаніе приписываетъ наше торжество: приписываетъ не многочисленности нашихъ войскъ, не ихъ искусству, не генію нашихъ полководцевъ; русскій народъ понимаетъ, что во всемъ этомъ мы уступали своему врагу; поэтому онъ приписываетъ свое спасеніе отъ него—заступленію Божію... Все превосходство русскихъ войскъ, сражавшихся съ французами, надъ войсками австрійскими или прусскими заключалось не въ чемъ иномъ, какъ въ ихъ необыкновенной стойкости, т. е. *въ ихъ нравственной силѣ*. Тѣ войска послѣ первой неудачи теряли духъ, слагали оружіе, обращались въ бѣгство при одномъ появленіи французовъ, сдавали имъ крѣпости и столицы—безъ выстрѣла. Русскія войска твердо выносили пораженія, отстаивали каждый свой шагъ до послѣдней возможности, до смерти. Такъ поступали они даже въ чужой землѣ, отстаивая чужое. Таковъ же былъ и русскій царь. Онъ стоялъ до конца за дѣло, которое почиталъ правымъ, и твердо выносилъ неудачи. Его соединяли съ войскомъ, равно какъ и съ цѣлымъ его народомъ, одна мысль, одно чувство, одинъ и тотъ же духъ. То была вѣра въ правду, чувство правды, негодованіе при видѣ насилій и неправды, словомъ то былъ—*идеализмъ*. Въ томъ, что русскій государь былъ человѣкомъ идеальныхъ взглядовъ и идеальнаго характера, заключалось тогда наше спасеніе и спасеніе всей Европы.

Нельзя безъ удивленія и глубокаго сочувствія видѣть, съ какою настойчивостію, съ какимъ неустаннымъ рвеніемъ, и вмѣстѣ съ какою сердечною теплотою, искренностію, дружескимъ расположеніемъ старается Императоръ Александръ склонить на сторону своихъ плановъ европейскихъ государей, какъ онъ заботливо входитъ въ ихъ положеніе, какъ заботливо относится къ ихъ судьбѣ—личной и ихъ государствъ. Онъ предостерегаетъ ихъ отъ ошибокъ, а когда они, вопреки его совѣтамъ, впадаютъ въ нихъ, старается ихъ ободрить, указывая возможность поправить дѣло, утѣшаетъ и старается помочь въ бѣдѣ; въ тоже время великодушно переноситъ ихъ недовѣрчивость, перѣшительность, ихъ двоедушіе и невѣрность своимъ обѣщаніямъ и обязательствамъ. Ничего отъ нихъ не требуетъ для себя. Безъ сомнѣнія весьма прискорбно и больно, что къ его благороднымъ и безкорыстнымъ усиліямъ союзники его относились съ равнодушіемъ, недовѣріемъ или даже съ тайною завистію и недоброжелательствомъ. Оскорбительно для нашего народнаго чувства, что тѣ, за кого русскія войска проливали свою кровь, смотрѣли на нихъ свысока, называли варварами, и въ тоже время требовали отъ нихъ побѣдъ, немедленныхъ побѣдъ, сами будучи

способны лишь «быть битыми»; а когда наши войска терпѣли неудачи, то осыпали ихъ упреками, готовы были выпроводить ихъ изъ своей земли и спѣшили броситься въ объятія побѣдителя. Все это зналъ и видѣлъ императоръ Александръ, все это глубоко огорчало его, и несмотря на все, онъ оставался непоколебимымъ, вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ и правиламъ, старался превозмочь своею твердостію слабость другихъ. Если-бы его союзники проникнуты были тѣмъ же духомъ, какимъ—онъ, если-бы они относились столь же честно и искренно къ дѣлу, какъ онъ, то борьба, которую они вели противъ Наполеона, обошлась-бы всѣмъ имъ гораздо дешевле, успѣхъ былъ-бы достигнутъ скорѣе и легче, Россія принесла бы меньше жертвъ, а ея союзники испытали-бы меньше бѣдствій и униженія, и въ тоже время—менѣе были бы обязаны Россіи. Во всякомъ случаѣ Россія не могла уклониться отъ борьбы, не могла ея избѣжать, или же—должна была склониться предъ Наполеономъ такъ же, какъ склонились другіе.

И такъ, вѣрный самому себѣ, императоръ Александръ продолжалъ войну, несмотря на всю трудность своего положенія. Въ исходѣ мая 1807 года военныя дѣйствія возобновились. Беннигсенъ расположилъ свои войска на выгодной позиціи у Гейльсберга, укрѣпилъ ее и вознамѣрился открыть наступательныя дѣйствія противъ французовъ. Наша армія имѣла тогда 125,000 человѣкъ (100 т. пѣхоты, 25 т. регулярной кавалеріи и козаковъ), во французской было—свыше 200,000. Наполеонъ атаковалъ (29 мая) наши войска у Гейльсберга. Французы отражены были на всѣхъ пунктахъ. Беннигсенъ послалъ съ донесеніемъ объ этомъ къ государю своего сына. Получивъ депешу за обѣдомъ у прусскаго короля, императоръ Александръ сказалъ: «послѣдствія покажутъ намъ важность этой битвы и—съумѣемъ ли мы воспользоваться своимъ успѣхомъ». Наполеонъ желалъ выманить Беннигсена изъ его выгодной позиціи. Съ этою цѣлію онъ двинулъ часть своихъ войскъ къ Кёнигсбергу. Беннигсенъ, дѣйствительно, встревожился этимъ, опасаясь потерять Кёнигсбергъ или сообщеніе съ нимъ, тогда какъ наши войска оттуда получали жизненные припасы. Но движеніе къ Кёнигсбергу было лишь ловкимъ маневромъ со стороны Наполеона. Беннигсенъ вдался въ обманъ и оставилъ свою позицію у Гейльсберга. Того только и нужно было Наполеону. Теперь онъ старался встрѣтиться съ арміей Беннигсена, чтобы вступить съ нимъ въ битву. 2 іюня битва произошла при Фридландѣ. Французы успѣли прежде русскихъ войскъ занять всѣ лучшія въ стратегическомъ отношеніи мѣста въ окрестностяхъ города. Битва началась съ разсвѣтомъ дня. Наша армія съ успѣхомъ выдерживала бой до вечера, но наконецъ она была подавлена превос-

ходствомъ непріятельскихъ силъ. Битва была проиграна и Беннигсгенъ сталъ отступать съ своею арміею за Нѣманъ.

Часть французскихъ войскъ, посланная Наполеономъ къ Кёнигсбергу, подошла къ городу и открыла по нему канонаду. На защиту Кёнигсберга Беннигсгенъ отправилъ отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала графа Каменскаго. Маршалъ Сультъ, желая склонить къ сдачѣ города генералъ-губернатора Кёнигсберга Рюхеля, пригласилъ его на свиданіе. Рюхель просилъ графа Каменскаго поѣхать вмѣсто него въ передовую цѣпь. Начальникъ штаба султова корпуса, генералъ Бельяръ, выѣхалъ ему навстрѣчу и предложилъ «сдать Кёнигсбергъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ».—«Вы видите на мнѣ русскій мундиръ и—смѣете требовать сдачи», отвѣчалъ Каменскій, поворотилъ коня и поѣхалъ назадъ. Но на другой день получено было извѣстіе о битвѣ подъ Фридландомъ и приказаніе главнокомандующаго оставить Кёнигсбергъ. Русскія войска, бывшія тамъ, присоединились къ арміи, а Кёнигсбергъ заняли французы.

Донося, подъ первымъ впечатлѣніемъ, о фридландской битвѣ государю, Беннигсгенъ представилъ ему въ преувеличенномъ видѣ потери и разстройство русской арміи. Онъ находилъ нужнымъ, для ея возстановленія, заключить съ непріятелемъ перемиріе. Императоръ Александръ поручилъ тайному совѣтнику Попову, находившемуся въ арміи для устройства провіантской и коммисаріатской частей, собрать точныя свѣдѣнія и увѣдомить его, дѣйствительно ли армія такъ разстроена, что не можетъ продолжать дѣйствій. Поповъ, человѣкъ невоенный, судилъ о дѣлѣ подъ вліяніемъ лицъ, которыхъ долженъ былъ считать людьми компетентными. Въ главной квартирѣ нашей господствующее настроеніе было въ пользу мира. Во главѣ лицъ, не желавшихъ продолженія войны, находился цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Получивъ донесеніе Попова, Государь далъ знать Беннигсгену, что онъ можетъ вступить въ переговоры о перемиріи *отъ своего имени*. Беннигсгенъ приступилъ къ переговорамъ, но чрезъ нѣсколько дней, сдѣлавъ смотръ войскамъ, писалъ Государю: «фридландская неудача не уменьшила храбрости войскъ; если обстоятельства востребуютъ, армія будетъ также сражаться, какъ сражалась она всегда; долгомъ поставляю увѣрить въ томъ Ваше Величество, дабы при возникшихъ переговорахъ не согласились на какія либо излишнія требованія Бонапарта». И такъ пораженіе не сломило духа нашей арміи, величайшія лишенія и страданія, которыя она вынесла и которыя производили такое безотрадное дѣйствіе на людей, завѣдывавшихъ нашими военными дѣлами, не ослабили ея твердости: она готова была снова *сражаться такъ, какъ сражалась всегда*.

Для переговоровъ съ Наполеономъ Государь назначилъ князя Лобанова, Наполеонъ поручилъ вести ихъ маршалу Бертье. Когда Лобановъ явился къ нему въ Тильзитъ, Бертье принялъ его весьма предупредительно и съ видимымъ удовольствіемъ. На заявленіе Лобанова, что императоръ Александръ, при всемъ желаніи мира, не приметъ оскорбительныхъ для его достоинства условій, тѣмъ паче не потерпитъ малѣйшаго измѣненія въ границахъ Россіи, Бертье отвѣчалъ, что о томъ не можетъ быть и рѣчи.

Наполеонъ, сверхъ своего обыкновенія, дѣйствительно обнаружилъ большую умѣренность при переговорахъ. Онъ понималъ, съ какимъ противникомъ имѣетъ дѣло. Если-бы онъ позволилъ себѣ надменность и требовательность побѣдителя, переговоры прекратились-бы и война продолжилась. Онъ могъ надѣяться снова одержать побѣду надъ русскими; однако видѣлъ, что Россію побороть не легко и что теперь, во всякомъ случаѣ, онъ не въ состояніи этого сдѣлать. Для того, чтобы ее побороть, нужно было приготовить гораздо бо́льшія силы и средства, чѣмъ какими въ это время онъ располагалъ, нужно было выждать время, покончить предварительно другія дѣла. Словомъ теперь ему былъ нуженъ миръ съ Россіей гораздо болѣе, чѣмъ—Россіи съ нимъ. Заручившись ея дружбою или даже содѣйствіемъ, онъ могъ безпрепятственно распоряжаться въ Европѣ, какъ хотѣлъ.

Россія также нуждалась въ мирѣ. Нужно было дать отдыхъ войскамъ, нужно было покончить дѣла на востокѣ, въ Турціи, гдѣ война затянулась. Война съ Наполеономъ была весьма тягостна, требовала большихъ жертвъ, но никакихъ матеріальныхъ выгодъ намъ она не обѣщала. Плодами нашихъ побѣдъ воспользовались бы другіе. Сдѣлавъ еще усиліе, продолживъ военныя дѣйствія, армія наша, быть можетъ, одержала бы верхъ надъ непріятелемъ; но этимъ еще отнюдь не нанесено было бы рѣшительнаго удара могуществу Наполеона, не сокрушено было-бы его владычество въ Европѣ. Россія также не въ состояніи была этого сдѣлать при теперешнихъ условіяхъ. Ей также нужно было приготовиться къ рѣшительной борьбѣ.

При такой наклонности и готовности обѣихъ сторонъ къ миру, переговоры о немъ шли успѣшно. 10 іюня подписано было перемиріе между арміями. 25 іюня произошло знаменитое *тильзитское свиданіе* обоихъ императоровъ, всероссійскаго и французскаго. Въ такомъ скромномъ городкѣ, какъ Тильзитъ, не могло быть при этомъ особенно пышной обстановки; однако Наполеонъ сдѣлалъ все возможное для придания торжественности свиданію. Онъ сознавалъ, что это событіе великой важности въ его жизни. То было его торжество. Ему подавалъ дру-

жески руку и признавалъ своимъ собратомъ монархъ, авторитетъ и значеніе котораго перевѣшивали надъ значеніемъ всѣхъ остальныхъ государей въ Европѣ, взятыхъ вмѣстѣ. «Соединимся и совершимъ величайшіе подвиги нашего времени; раздѣлимъ міръ между собою; съ такими солдатами, каковы русскіе, можно завоевать весь свѣтъ». Такія рѣчи говорилъ Наполеонъ императору Александру въ Тильзитѣ. Конечно, это были льстивыя рѣчи; но въ то время вся Европа льстила предъ Наполеономъ, а онъ почиталъ нужнымъ льстить предъ русскимъ монархомъ.

Россія, по тильзитскому миру, ничего не теряла изъ своихъ владѣній. Наполеонъ отнюдь не думалъ дѣлать на ея счетъ какія либо пріобрѣтенія, напротивъ старался, чтобы она сдѣлала нѣкоторыя пріобрѣтенія на чужой счетъ. Такимъ образомъ была намъ навязана бѣлостокская область, отнятая у Пруссіи, чего не хотѣлось крайне императору Александру. Цѣль Наполеона состояла въ томъ, чтобы сдѣлать Россію соучастницей въ его замыслахъ и его системѣ. Должно сказать, что до извѣстной степени онъ успѣлъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ на время. Въ Тильзитѣ былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ Россіи съ Франціею. По условіямъ этого союзнаго договора Россія брала на себя обязательство принудить Англію къ миру съ Франціей, а въ случаѣ ея упорства, объявить ей войну и пригласить къ тому же дворы копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій; если они не согласятся на то, то объявить и имъ войну; она обязывалась поддерживать, за одно съ Франціей, континентальную систему въ Европѣ, направленную противъ англійской торговли. Россія втягивалась такимъ образомъ въ тѣ нескончаемыя распри Франціи съ сосѣдями, какія намѣренно заводилъ Наполеонъ изъ своихъ личныхъ видовъ, становилась сторонницей и соучастницей его посягательствъ на свободу и самостоятельность европейскихъ правительствъ. Съ своей стороны Наполеонъ принималъ на себя посредничество въ примиреніи съ Россіей Турціи; если же Порта откажется заключить миръ, то «высокія договаривающіяся стороны общими силами избавятъ отъ ига и угнетеній турокъ всѣ европейскія области оттоманской имперіи, оставивъ въ ея обладаніи лишь Константинополь и Румелію». Если бы это послѣднее условіе было серьёзно и честно выполнено, то было-бы совершено великое дѣло, но Наполеонъ—нимало о томъ не думалъ.

Извѣстіе о тильзитскомъ мирѣ, какъ естественно было ожидать, произвело большую тревогу въ Европѣ. Цѣлая буря неудовольствія и упрековъ поднялась противъ императора Александра. Его упрекали въ слабости характера, въ малодушіи, въ невѣрности своимъ союзникамъ и друзьямъ. Въ Тильзитѣ онъ особенно горячо заступился за своего

союзника короля прусскаго, противъ котораго Наполеонъ былъ чрезвычайно раздраженъ, такъ что не хотѣлъ сначала и видѣть его. Но изъ угожденія русскому государю онъ потомъ согласился его принять и даже возвратилъ ему многія изъ завоеванныхъ у него владѣній. Въ статьѣ IV-й мирнаго трактата, заключеннаго съ Россіей, сказано было: «императоръ Наполеонъ, изъ уваженія къ императору всероссійскому и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить королю прусскому, союзнику Его Величества императора всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли, ниже сего означенныя» (поименовываются за тѣмъ эти области). Несмотря на то въ Пруссіи также были весьма недовольны императоромъ Александромъ, между прочимъ были не довольны тѣмъ самымъ, что Наполеонъ выставлялъ на видъ заступничество и ходатайство русскаго государя за Пруссію. Прусскіе патріоты находили это оскорбительнымъ для чести Пруссіи, но въ то же время жаловались, что императоръ Александръ мало добился отъ Наполеона уступокъ въ пользу ихъ отечества. Ихъ претензіи въ этомъ отношеніи простирались такъ далеко, что они выработали очень хорошій планъ, какъ увеличить и округлить владѣнія Пруссіи, и надѣялись, что этотъ планъ будетъ одобренъ и принятъ въ Тильзитѣ, въ то самое время, какъ тамъ рѣшался вопросъ о существованіи Пруссіи!

Въ Россіи союзъ съ Наполеономъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. «На Петербургъ, на Москву, говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ современниковъ *), на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, тильзитскій миръ произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное, какъ признаніе его надъ собою власти». Шведскій посланникъ при нашемъ дворѣ Штедингъ писалъ своему государю: «неудовольствіе противъ императора болѣе и болѣе возрастаетъ и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать. Люди, преданные государю, въ отчаяніи, но между ними нѣтъ никого, кто-бы съумѣлъ пособить бѣдѣ и отважился объяснить ему вполнѣ опасность его положенія. Не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ публичныхъ собраніяхъ толкуютъ о перемѣнѣ правленія.....» Преданныя государю лица, во всякомъ случаѣ, хорошо поступили, что не передали ему дѣла въ томъ видѣ, какъ его передаетъ шведскій посланникъ. Они безъ нужды увеличили-бы горечь въ его сердцѣ, которой въ то время и такъ было для него довольно. Развѣ не сознавалъ онъ, что союзъ съ Наполеономъ есть тяжкое бремя, ко-

*) Вигель въ своихъ запискахъ.

торое онъ принялъ на себя съ весьма стѣсненнымъ сердцемъ, вынужденный силою обстоятельствъ? Бремя это падало главнѣйше не на кого другаго, какъ на него же и онъ принялъ его на себя не по какому либо личному расчету, котораго при этомъ никакого не могло и быть, но ради блага своего государства. По этому ничѣмъ не можетъ быть оправдано то недовольство, какое онъ встрѣтилъ и замѣчалъ кругомъ себя по возвращеніи изъ Тильзита и которое позволили себѣ высказать ему рѣзко нѣкоторые изъ его приближенныхъ, какъ напримѣръ сдѣлалъ это Новосильцовъ. Императоръ Александръ терпѣливо и съ величайшею сдержанностію перенесъ это охлажденіе, эту измѣнчивость чувствъ своихъ подданныхъ, но она оставила глубокій слѣдъ въ его душѣ на всю его жизнь. Съ этого именно времени ведетъ начало та перемѣна, которая въ немъ произошла и которая отразилась на характерѣ его управленія и на его личномъ характерѣ въ послѣдніе годы его царствованія. Въ немъ зародилась недовѣрчивость къ людямъ и, что всего печальнѣе, подорвана была его вѣра въ неизмѣнность и непоколебимость народной любви къ нему. Съ того времени онъ охладѣлъ въ своемъ рвеніи къ государственнымъ преобразованіямъ и менѣе сталъ вѣрить въ способность народовъ разумно пользоваться благами свободы. Его свѣтлый, согрѣтый вѣрою въ людей, всѣхъ чарующій идеализмъ началъ омрачаться. Таково было дѣйствіе на его впечатлительную душу и на его тонкое нравственное чувство той нравственной жосткости, какую весьма неосторожно и не кстати дали ему почувствовать въ собственной его странѣ, въ самое тяжолое для него время.

II.

Со времени тильзитскаго мира насталъ новый періодъ нашихъ отношеній къ Франціи. Трудно, конечно, сказать навѣрное, въ какой степени вѣрилъ или не вѣрилъ императоръ Александръ искренности Наполеона, предложившаго ему въ Тильзитѣ свою дружбу, но самъ онъ готовъ былъ стать искреннимъ другомъ своего новаго союзника, какимъ былъ для прежнихъ своихъ союзниковъ и какимъ остался для нихъ и теперь, несмотря на новый союзъ. Онъ безъ страха принялъ дружбу и союзъ человѣка, который всѣмъ внушалъ страхъ, принялъ безъ страха потому, что самъ былъ искрененъ и проникнутъ желаніемъ общаго блага. Онъ былъ увѣренъ въ себѣ самомъ, поэтому вѣрилъ въ другихъ и никого не страшился. По этому же самому были не основательны всѣ опасенія, какія возбудили въ Россіи союзъ и дружба его съ Наполеономъ; но эти опасенія проистекали изъ любви къ своему отечеству, изъ любви къ своему государю, а потому не заслуживаютъ порицанія:

они ничему не могли повредить и никого не могли оскорбить, лишь бы высказывались искренно и чистосердечно, безъ всякой задней мысли.

Что касается до Наполеона, то онъ понималъ и раньше, а теперь воочію увидѣлъ въ Тильзитѣ, гдѣ въ цѣломъ мірѣ находится та рука, которая способна сокрушить его. Отселѣ главною задачею онъ себѣ поставилъ опутать эту руку всѣми возможными способами и заготовить сколь возможно большія силы и средства для борьбы съ нею, а пока ласкать ее.

Императоръ Александръ, связавъ себя союзомъ съ Наполеономъ, старался быть вѣрнымъ этому союзу и честно выполнялъ принятыя имъ на себя обязательства, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были для него весьма непріятны и тягостны. Наполеонъ не умѣлъ сдержать себя. Уклоняясь отъ выполненія условій тильзитскаго мира и прибѣгая для того ко всякимъ уловкамъ, онъ выдалъ себя: императоръ Александръ скоро разгадалъ его и потому сталъ на сторожѣ относительно своего новаго союзника.

Первою заботою Наполеона было уединить Россію, поставить ее во враждебное отношеніе къ государствамъ, помощь которыхъ могла быть ей полезна. Этого онъ достигъ безъ труда. Австрія и Пруссія находились у его ногъ. Тильзитскій миръ ставилъ насъ въ непріязненныя отношенія къ Англіи. Турція въ это время была жертвою внутреннихъ смутъ: ими весьма искусно воспользовалось французское правительство для того, чтобы подчинить Порту своему вліянію и устранить всякое другое. Вслѣдствіе подстрекательствъ французскаго правительства, Порта оказывала сопротивленіе намѣренію императора Александра удержать за собою дунайскія княжества, занятыя нашими войсками. Этому противился также и Наполеонъ. На представленія по этому предмету русскаго посла графа Толстова онъ говорилъ: «дать вамъ Молдавію и Валахію значитъ слишкомъ усилить ваше вліяніе, привести васъ въ прочную связь съ сербами, которые вамъ преданы, съ черногорцами, греками,—вашими единовѣрцами и любящими васъ». Въ тоже время онъ спрашивалъ у посла своего въ Константинополѣ Себастіани: «если русскіе захотятъ удержать Молдавію и Валахію, то намѣрена ли Порта вести вмѣстѣ съ Франціею войну противъ Россіи? какія у нея военныя средства?» Наполеонъ, однакожъ, вовсе не желалъ теперь затѣвать войну на востокѣ. Его виды обращены были тогда на Испанію. Онъ снаряжалъ туда войска, но считалъ нужнымъ скрывать это отъ императора Александра. На запросъ нашего посла объ этихъ военныхъ приготовленіяхъ Наполеонъ отвѣчалъ, что намѣренъ предпринять экспедицію въ Африку, что ему хочется основать колоніи по всему сѣверному по-

бережью ея до самаго Египта, разрушить варварійскія владѣнія и запереть англичанамъ средиземное море. Опасаясь, что въ такомъ случаѣ императоръ Александръ захочетъ покончить дѣла на востокѣ, съ Турціей, Наполеонъ старался отвлечь его вниманіе и силы Россіи въ противоположную сторону, на сѣверъ, и для того указывалъ на Финляндію, предлагая завоевать ее у Швеціи, даже соглашался на то, чтобы Россія пріобрѣла себѣ всю Швецію.

Императоръ Александръ, дѣйствительно, вынужденъ былъ объявить войну Швеціи. Выполняя условія тильзитскаго мира, наше правительство потребовало отъ шведскаго приступить къ вооруженному нейтралитету. Король шведскій отказалъ въ этомъ, заключилъ оборонительный союзъ съ Англіей и даже—арестовалъ нашего посла въ Стокгольмѣ. Швеціи была объявлена война и русскія войска вступили въ Финляндію. Такимъ образомъ планъ Наполеона осуществился: Россія связана была войною на сѣверѣ. Самъ онъ занялся тогда завоеваніемъ Испаніи. Шведская война окончилась успѣшно для Россіи: мы пріобрѣли отъ Швеціи Финляндію. Но была здѣсь и своя неблагопріятная для насъ сторона: это завоеваніе выставляло насъ въ глазахъ Европы опасными для слабѣйшихъ своихъ сосѣдей и склонными слѣдовать системѣ хищничества, по примѣру нашего союзника. Этого, конечно, и нужно было Наполеону, но вовсе не нужно намъ. Между тѣмъ наши прямые, жизненные интересы были совсѣмъ не на сѣверѣ, а на востокѣ, не у балтійскаго, а у чернаго моря. Шведская война и завоеваніе Финляндіи были съ нашей стороны шагомъ въ сторону отъ своего прямаго пути. Хорошо еще, что мы не вздумали, въ самомъ дѣлѣ, завоевать Швецію.

Какъ бы то ни было, война на сѣверѣ окончилась и императоръ Александръ снова могъ сосредочить свое вниманіе на восточныхъ дѣлахъ. Русскія войска изъ Финляндіи двинуты были въ предѣлы Турціи. Само собою разумѣется, что это встревожило Наполеона, тѣмъ болѣе, что дѣла въ Испаніи усложнялись и покорить эту страну оказывалось отнюдь не легкой задачей. Правда Наполеонъ успѣлъ низвести съ престола испанскихъ бурбоновъ и отдалъ испанскую корону брату своему Іосифу; но испанскій народъ не хотѣлъ покоряться чужой власти; французскія войска должны были выдерживать упорную и безуспѣшную борьбу съ народнымъ движеніемъ въ Испаніи. Іосифъ, вынужденный удалиться изъ Мадрита, писалъ Наполеону: «нужно было бы 100,000 постоянныхъ эшафотовъ для поддержанія государя, осужденнаго царствовать въ Испаніи». Онъ зналъ, что брату его нравится такой языкъ и такой нещадный образъ дѣйствія. Когда тотъ же Іосифъ былъ королемъ неаполитанскимъ, Наполеонъ давалъ ему слѣдующія наставленія: «никогда

не сдерживайся общественнымъ мнѣніемъ; разстрѣливай лаццарони безъ всякаго милосердія; только спасительнымъ страхомъ можешь ты пріобрѣсть уваженіе итальянцевъ; твое поведеніе нерѣшительно; солдаты и генералы должны жить въ изобиліи; любезностями не выигрывается народная привязанность; вижу съ удовольствіемъ, что возмутившаяся деревушка сожжена». Такова была политическая мудрость Наполеона.

Какъ ни искусно и какъ повидимому ни прочно завязанъ былъ узелъ, которымъ Наполеонъ хотѣлъ опутать Россію, онъ видѣлъ, что ея государь продолжаетъ дѣйствовать самостоятельно и не позволяетъ ни въ чемъ ввести себя въ обманъ. Это раздражало Наполеона. Его замыслы разбивались о твердость и проницательность русскаго государя. Самая безупречность и честность, съ какою императоръ Александръ держалъ себя въ дѣлахъ внѣшнихъ, въ своей внѣшней политикѣ, въ своей политикѣ относительно его самого, Наполеона, вовсе не были по сердцу сему послѣднему. Въ минуты гнѣва и раздраженія Наполеонъ называлъ императора Александра «византійскимъ грекомъ». Какъ бы назвалъ онъ человѣка, который вполнѣ былъ-бы подобенъ ему самому по нравственному характеру и образу дѣйствій? Не думаемъ, чтобы онъ сдѣлалъ о такомъ человѣкѣ лестный отзывъ. Русскій народъ, какъ извѣстно, называлъ Наполеона антихристомъ, не думая, впрочемъ, оскорблять его тѣмъ, а вѣруя въ душѣ, что онъ точно антихристъ, и потому весьма его страшился.

Русскіе государи носятъ порфиру и вѣнецъ византійскихъ кесарей, русское государство усвоило себѣ государственный гербъ восточной имперіи, русскій народъ принялъ изъ Византіи свое высшее духовное достояніе, святую православную вѣру: поэтому мы русскіе никакъ не можемъ находить ничего оскорбительнаго ни въ имени грека, ни въ имени византійца. Давая это наименованіе императору Александру, Наполеонъ лишь дѣлалъ невольное признаніе самому себѣ въ томъ, что ему не удалось обмануть и опутать своими сѣтями русскаго государя.

На первыхъ же порахъ, по заключеніи тильзитскаго мира, начали возникать недоразумѣнія и неудовольствія между правительствами двухъ союзныхъ державъ. Наполеонъ по прежнему все не былъ доволенъ русскими послами, назначаемыми къ нему императоромъ Александромъ. Послѣ тильзитскаго свиданія назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ графъ Петръ Александровичъ Толстой. Онъ не любилъ Наполеона, принялъ неохотно свой высокій и блестящій постъ, и менѣе всего заботился о томъ, чтобы понравиться императору французовъ. Подобно своимъ предшественникамъ, Колычеву и Маркову, Толстой скоро заставилъ Наполеона желать его отозванія.

Въ сентябрѣ 1808 г. произошло новое свиданіе императоровъ Александра и Наполеона въ Ерфуртѣ. Оно было предложено императоромъ Александромъ. Онъ все еще не терялъ надежды поддержать добрыя отношенія со своимъ союзникомъ и упрочить миръ Европы путемъ соглашенія съ нимъ и взаимныхъ уступокъ. Наполеонъ старался придать особенный блескъ и пышность свиданію. Въ Ерфуртъ прибыли короли саксонскій, баварскій, виртембергскій, братъ Наполеона король вестфальскій Іеронимъ, принцы королевскихъ домовъ и много владѣтельныхъ германскихъ князей. Оба императора, Александръ и Наполеонъ, имѣли при себѣ блестящую свиту. Въ самый день прибытія своего въ Ерфуртъ (15 сентября) Наполеонъ принялъ наскоро короля саксонскаго, членовъ рейнскаго союза, дипломатовъ и прочихъ знатныхъ особъ; за тѣмъ поспѣшилъ на встрѣчу императору Александру, который ѣхалъ изъ Веймара. Наполеонъ ѣхалъ верхомъ, сопровождаемый своимъ штабомъ, въ андреевской лентѣ. Завидѣвъ экипажъ русскаго государя, онъ поскакалъ во всю прыть; поровнявшись съ экипажемъ, сошелъ съ коня и обнялъ вышедшаго изъ коляски императора Александра. Оба императора верхомъ торжественно въѣхали въ Ерфуртъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Наполеонъ проводилъ императора Александра въ назначенный для его пребыванія домъ. Обѣды, вечера, балы, спектакли чередовались въ Ерфуртѣ съ совѣщаніями императоровъ и ихъ министровъ. Наполеонъ и французы всѣми способами старались угождать русскому государю, мало обращая вниманія на другихъ коронованныхъ лицъ, прибывшихъ въ Ерфуртъ. Одинъ изъ французскихъ ефрейторовъ, толкуя часовому, какія почести отдавать разнымъ особамъ, пріѣзжавшимъ къ Наполеону, внушалъ ему: «смотри же, это вѣдь лишь король!» Наполеонъ расчитывалъ весьма вѣрно, что зрѣлище задушевной дружбы его съ русскимъ государемъ произведетъ устрашающее дѣйствіе на его враговъ и недоброжелателей, которыхъ у него во Франціи и во всей Европѣ было, конечно, больше, чѣмъ друзей и благожелателей, какъ это онъ хорошо понималъ. Но онъ желалъ и домогался еще большаго для себя, именно родственнаго союза съ русскимъ государемъ. Онъ много слышалъ о красотѣ и высокихъ душевныхъ качествахъ сестры императора Александра, великой княжны Екатерины Павловны. Ловкому Талейрану, бывшему съ нимъ въ Ерфуртѣ, Наполеонъ далъ порученіе развѣдать, можно ли ему надѣяться на успѣхъ, если бы онъ попросилъ руки великой княжны. Талейранъ завелъ рѣчь съ императоромъ Александромъ о тѣсномъ союзѣ Россіи съ Франціей и о средствахъ скрѣпить этотъ союзъ неразрывными узами: лучшимъ средствомъ къ тому, говорилъ

онъ, былъ бы родственный союзъ императора французовъ съ русскимъ царствующимъ домомъ. На это предложеніе императоръ Александръ отвѣчалъ, что съ своей стороны онъ бы готовъ породниться съ тѣмъ, кого считаетъ своимъ искреннимъ другомъ, но, сказалъ онъ, «я имѣю неограниченную власть въ своемъ государствѣ, но не въ дѣлахъ моего семейства; вдовствующая императрица, глубоко уважаемая нами всѣми, не мѣшается въ мою политику, но и не одобряетъ ея; не трудно было-бы мнѣ получить согласіе сестры моей на бракъ съ императоромъ Наполеономъ, но едва-ли можно склонить къ тому вдовствующую императрицу». Въ такомъ же смыслѣ императоръ Александръ объяснился объ этомъ предметѣ съ самимъ Наполеономъ, обѣщая ему ходатайствовать въ его пользу, но не ручаясь за успѣхъ. Наполеонъ не зналъ, какое любопытное предложеніе и заявленіе сдѣлалъ тотъ же искусный Талейранъ уже лично отъ себя императору Александру. Онъ явился къ нему однажды и обратился съ такими рѣчами: «Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Ваше дѣло спасать Европу; но достигнуть этого вы можете только борьбою съ Наполеономъ. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь—варваръ; русскій государь человѣкъ цивилизованный, а народъ его варварскій: и такъ русскій государь долженъ быть союзникомъ французскаго народа». Талейранъ въ это время уже не пользовался расположеніемъ Наполеона, какъ прежде; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утратилъ вѣру въ его счастливую звѣзду и понималъ, что эта звѣзда начинаетъ меркнуть, несмотря на то, что Наполеонъ находился тогда на высотѣ могущества и славы. Талейранъ бралъ свои мѣры въ виду случайностей будущаго: чуткій инстинктъ самосохраненія подсказалъ ему вѣрно, гдѣ должно искать защиты и спасенія, когда настанетъ роковой часъ и зданіе, воздвигнутое на пескѣ Наполеономъ, пошатнется и обрушится.

Въ Ерфуртѣ не было сдѣлано никакихъ важныхъ измѣненій въ существующемъ положеніи вещей. Императору Александру удалось выхлопотать у Наполеона нѣкоторыя уступки и облегченія въ пользу Пруссіи. Наполеонъ далъ свое согласіе на присоединеніе Финляндіи и дунайскихъ княжествъ къ Россіи, но отстранилъ отъ себя всякое посредничество по турецкимъ дѣламъ. Въ существенномъ все осталось по прежнему въ политическомъ мірѣ. Ерфуртскою конвенціей, заключенной 30 сентября, подтвержденъ былъ тильзитскій союзный трактатъ. Но важная перемѣна произошла во взаимныхъ чувствахъ обоихъ государей, Александра и Наполеона. Здѣсь уже было не то, что въ Тильзитѣ. Тогда императоръ Александръ глубоко проникнутъ былъ чувствомъ удивленія къ генію великаго человѣка и одушевленъ надеждою,

что можетъ итти объ руку съ нимъ во внѣшней политикѣ. Наполеонъ съ своей стороны питалъ увѣренность, что произвелъ сильное обаяніе на юнаго русскаго монарха, что опуталъ его хорошо условіями тильзитскаго договора, и надѣялся, что будетъ держать въ рукахъ своего могущественнаго и непреклоннаго противника, связавъ его словомъ чести. Теперь они уже успѣли разочароваться одинъ относительно другаго: Наполеонъ—въ томъ, что можетъ держать въ своихъ рукахъ русскаго государя, императоръ Александръ—въ томъ, что можетъ итти объ руку съ Наполеономъ въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Съ небольшимъ годъ истекъ со времени тильзитскаго мира: въ этотъ краткій срокъ оба вѣнценосца, державшіе въ своихъ рукахъ судьбы міра, успѣли испытать другъ друга и помѣряться между собою силами. Между ними шла въ это время безоружная, но тѣмъ болѣе знаменательная нравственная борьба. Русскій государь одержалъ въ ней полный верхъ надъ своимъ противникомъ. Онъ строго и совѣстливо выполнилъ свое слово и принятыя на себя обязательства, не уронилъ отнюдь ни въ чемъ ни своего личнаго достоинства, ни величія своего сана, и вмѣстѣ съ тѣмъ не пожертвовалъ ни однимъ изъ интересовъ своего государства, не отступилъ ни на шагъ отъ своихъ правилъ, остался по прежнему поборникомъ правды, опорою и надеждою друзей общаго блага. Ничего подобнаго не могъ сказать о себѣ Наполеонъ. Самъ онъ продиктовалъ условія тильзитскаго договора для себя и для своего союзника и—не имѣлъ нравственнаго мужества выполнить эти условія. Въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ русскимъ государемъ онъ расточалъ пышныя обѣщанія, давалъ торжественныя слова чести и—самъ же первый ставилъ ихъ ни во что, нарушалъ и попиралъ безъ малѣйшаго колебанія и всякаго уваженія къ самому себѣ. Что онъ выигралъ, какія извлекъ выгоды изъ своего двусмысленнаго и лукаваго образа дѣйствій относительно Россіи и ея монарха? Нималѣйшей выгоды. Единственнымъ результатомъ его политики и образа дѣйствій было охлажденіе и утрата довѣрія къ нему лучшаго изъ государей, его искренняго и могущественнаго союзника и друга. Годичный опытъ нимало не вразумилъ Наполеона, но многому научилъ императора Александра. Твердо и безупречно выдержавъ испытаніе, снова стоялъ онъ предъ лицемъ міра во всеоружіи чести и правоты. Снова на него устремлены были взоры всей Европы, полные надежды на его могучую защиту и помощь.

Наполеонъ не былъ варваромъ, какъ неправильно называлъ его Талейранъ. Онъ былъ вполнѣ просвѣщенный сынъ своего вѣка, обладалъ обширнымъ умомъ и многосторонними знаніями. Въ Ерфуртѣ и

Веймарѣ, среди избраннаго образованнаго общества, гдѣ присутствовали Гёте и Виландъ, Наполеонъ изумлялъ своими историческими познаніями, мѣткими замѣчаніями о поэзіи, искусно велъ разговоръ о Тацитѣ, драмахъ Шекспира, о драматическихъ произведеніяхъ древнихъ. Онъ былъ знатокомъ изящныхъ искусствъ и покровительствовалъ художникамъ, ученымъ и писателямъ,—въ томъ, разумѣется, случаѣ, если они были ему вполнѣ покорны. Равнымъ образомъ онъ принялъ на себя заботу покровительствовать религіи и церкви, опять также—подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ были ему покорны. Но искренно вѣрилъ онъ только во внѣшнюю силу и на нее одну возлагалъ свое упованіе. Ее ставилъ онъ выше всего и думалъ, что ей все должно подчиняться и все предъ ней преклоняться: наука, искусство, религія, всякая нравственная сила. И точно, мало по малу, все въ Европѣ преклонилось предъ этой внѣшней силой, воплощенной въ лицѣ повелителя Франціи, и все раболѣпствовало передъ ней: оставалась одна Россія, которая не подчинилась и не преклонилась. Правда Наполеону не покорялась также и Англія, но онъ зналъ, что нужно лишь сокрушить Россію и тогда не великое дѣло будетъ справиться съ Англіей. Англія была и есть по преимуществу сила торговая и промышленная: такого рода силу не трудно обуздать тому, кто хорошо владѣетъ оружіемъ. Итакъ прежде всего нужно было сломить силу Россіи и принудить ее къ покорности. Эта мысль не покидала Наполеона и не давала ему покоя. Но онъ не спѣшилъ ея исполненіемъ, выжидалъ терпѣливо своего времени, ибо хотѣлъ нанести намъ ударъ вѣрный и рѣшительный. Уже и теперь онъ располагалъ громадными военными силами и несмѣтными матеріальными средствами, оружіемъ, деньгами, всѣми запасами: но ему все еще казалось мало. Онъ находилъ, что не все еще подготовлено для полнаго обезпеченія ему успѣха. Австрія и Пруссія еще не были доведены имъ до того, чтобы не смѣть и думать о сопротивленіи ему или о союзѣ съ Россіей. Не были приведены къ концу испанскія дѣла. Приходилось еще выжидать время. Возвратясь изъ Ерфурта, онъ по прежнему продолжалъ дружественныя сношенія съ императоромъ Александромъ, а между тѣмъ увеличивалъ свои военныя силы и средства для рѣшительной борьбы.

Въ 1809 г. Наполеонъ снова разгромилъ Австрію. Онъ далъ тогда понять и почувствовать императору Францу, что теперь существованіе австрійской монархіи зависѣть будетъ отъ его, Наполеона, милости. Французскія войска постепенно охватывали со всѣхъ сторонъ Пруссію, такъ что она ни шагу не могла себѣ позволить безъ вѣдома и воли Наполеона. Обезпечивъ себя, такимъ образомъ, со стороны этихъ двухъ

державъ, онъ обратилъ свое вниманіе на западную нашу границу. Тамъ образовано было имъ въ 1807 году варшавское герцогство, составленное изъ польскихъ областей, отнятыхъ у Пруссіи. Послѣ вторичнаго пораженія Австріи Наполеонъ присоединилъ къ герцогству три воеводства, отнятыя у нея. Такимъ образомъ у самой нашей границы онъ приготовилъ себѣ хорошій пунктъ опоры на случай войны съ нами. Въ полякахъ онъ возбудилъ надежды на возстановленіе Польши и могъ вполнѣ расчитывать на нихъ въ случаѣ войны съ Россіею. Наконецъ онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что наши военныя дѣйствія въ Турціи шли неуспѣшно и война затягивалась.

Послѣ ерфуртскаго свиданія, исполняя желаніе Наполеона, императоръ Александръ назначилъ въ Парижъ новаго посла, вмѣсто графа Толстова, князя Александра Борисовича Куракина. Это былъ дипломатъ осторожный, сдержанный, мягкаго и миролюбиваго характера. Наполеонъ былъ имъ больше доволенъ, чѣмъ всѣми прежними русскими послами при немъ. Однакожъ кн. Куракинъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось во Франціи, и доводилъ объ всемъ до свѣдѣнія своего государя. Въ мартѣ 1809 г. онъ сообщилъ императору Александру копію мемуара, составленнаго во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ для Наполеона и, конечно, составлявшаго государственную тайну. Въ этомъ документѣ доказывалось, что союзъ Франціи съ Россіей противенъ прямымъ выгодамъ тюильрійскаго кабинета, что выгоды наполеоновой династіи требуютъ неразрывнаго присоединенія Испаніи, ослабленія Австріи и принятія всякихъ, прямыхъ и непрямыхъ, мѣръ къ тому, чтобы предупредить распространеніе Россіи и отодвинуть ея границы дальше отъ чернаго моря; что для преобладанія Франціи и безопасности Европы *необходимо возстановить Польшу;* въ заключеніи было сказано: «никто не дерзнетъ начертать планъ дѣйствій для величайшаго изъ полководцевъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что основаніемъ европейской политики должны быть разрушеніе Австріи и *ослабленіе Россіи;* когда Австрія будетъ подавлена, петербургскій дворъ приметъ правила, сообразныя съ своимъ положеніемъ, и ограничится такою долею вліянія и владычества, *какую найдетъ приличнымъ предоставить ему императоръ французовъ*».

Послѣ присоединенія къ герцогству варшавскому новыхъ областей императоръ Александръ считалъ нужнымъ точно знать намѣренія Наполеона относительно Польши и воспрепятствовать ея возстановленію. Князю Куракину поручено было категорически объясниться по этому предмету съ Наполеономъ. «Я никогда не имѣлъ видовъ на Польшу, сказалъ ему въ отвѣтъ Наполеонъ, и никогда не буду имѣть ихъ; я

желаю только вашего спокойствія. Что я сдѣлалъ для герцогства варшавскаго, то я долженъ былъ сдѣлать, чтобы дать ему возможность существованія, чтобы укрѣпить его». Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи писалъ нашему министру графу Румянцову, что Наполеонъ готовъ согласиться даже на то, чтобы самое имя Польши и поляковъ исчезло не только изъ актовъ, но и изъ исторіи. Вслѣдствіе такого заявленія французскаго правительства, нашъ кабинетъ предложилъ заключить съ нимъ слѣдующую конвенцію: польское королевство никогда не будетъ возстановлено; слова: Польша, поляки—не будутъ употребляться въ публичныхъ актахъ; великое герцогство варшавское не будетъ болѣе распространяться на счетъ прежде бывшихъ польскихъ областей. Получивъ эту конвенцію, подписанную французскимъ посломъ въ Петербургѣ Коленкуромъ, Наполеонъ и министръ его Шампаньи долго не давали на нее никакого отвѣта. Наконецъ, черезъ 4 мѣсяца по ея полученіи, Наполеонъ отвѣчалъ, что не можетъ утвердить первой статьи этой конвенціи. «Я не могу, говорилъ онъ, предварять рѣшеній провидѣнія и не хочу воевать съ другими государствами, которымъ придетъ фантазія возстановлять Польшу». За тѣмъ онъ требовалъ, чтобы это соглашеніе оставалось тайнымъ, тогда какъ Россія хотѣла, чтобы оно было публичнымъ. Наконецъ Наполеонъ соглашался утвердить конвенцію, если первый пунктъ ея измѣненъ будетъ такъ: «никогда не способствовать никакому предпріятію, клонящемуся къ возстановленію Польши». Но получивъ затѣмъ изъ Петербурга уклончивый отвѣтъ на свое предложеніе относительно руки русской великой княжны, онъ рѣшительно отказался признать какую-бы то ни было конвенцію касательно Польши.

Наполеонъ вступилъ въ бракъ съ дочерью императора Франца Маріею-Луизою. Императоръ Александръ былъ душевно тому радъ, такъ какъ избавлялся теперь отъ сватовства Наполеона. Онъ изъявилъ свое удовольствіе князю Куракину за то, что онъ, несмотря на мучительные припадки подагры, присутствовалъ въ церкви при бракосочетаніи Наполеона, и отправилъ въ Парижъ, для принесенія поздравленія новобрачнымъ, брата русскаго посла въ Парижѣ, министра внутреннихъ дѣлъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Между тѣмъ все болѣе обнаруживались непріязнь Наполеона къ Россіи и его враждебные замыслы противъ нея. Въ 1810 году, возвратясь изъ путешествія въ Голландію, онъ сказалъ: «черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ; остается только Россія, но я раздавлю ее» (dans cinq ans je serai le maître du monde; il ne reste que la Russie, mais je l'écraserai). Въ сентябрѣ этого же года кн. Куракинъ писалъ графу Румянцову:

«я вовсе не желалъ-бы видѣть разрывъ союза, подававшаго намъ основательныя надежды; но военные успѣхи французовъ, ослабленіе Австріи и родственная съ нею связь, всѣ эти обстоятельства значительно понизили цѣну нашего союза. Теперь уже не Рейнъ, а Висла—граница Франціи. Туда должны быть направлены всѣ наши оборонительныя средства. Не осталась ли Россія единственною изъ всѣхъ державъ европейскаго материка, сохранившею и свою территорію и свои силы? Развивая ихъ и заставя страшиться себя, мы успѣемъ болѣе, нежели угожденіями, снискать пріязнь Франціи. Будемъ ея друзьями, но не допустимъ обмануть себя».

Наполеонъ присоединилъ къ французской имперіи Голландію, владѣнія валезской республики (Valais), ганзейскіе города и все прибрежье нѣмецкаго моря до Ельбы. При этомъ онъ захватилъ также и *герцогство ольденбургское*, родовое наслѣдіе русскаго императорскаго дома. Владѣтельный ольденбургскій герцогъ былъ дядею императора Александра, сынъ герцога принцъ Георгъ получилъ предъ тѣмъ руку великой княжны Екатерины Павловны. Императоръ Александръ почиталъ личнымъ оскорбленіемъ для себя распоряженіе Наполеона относительно Ольденбурга. Петербургскій кабинетъ заявилъ протестъ по этому поводу какъ предъ французскимъ правительствомъ, такъ и предъ прочими европейскими дворами. Это было крайне досадно Наполеону. Шампаньи долго уговаривалъ кн. Куракина взять протестъ обратно. «Императоръ Наполеонъ, говорилъ онъ, находитъ такой формальный протестъ несообразнымъ съ чувствами дружбы, питаемыми имъ къ русскому государю, и не могущимъ послужить ни къ чему, кромѣ подтвержденія слуховъ о близкомъ разрывѣ Россіи съ Франціей». Большаго труда стоило нашимъ представителямъ при другихъ европейскихъ дворахъ вручить имъ протестъ, направленный противъ Наполеона: боялись его гнѣва, если примутъ русскій протестъ. Въ такомъ страхѣ держалъ Наполеонъ всѣхъ въ Европѣ и такъ всѣ предъ нимъ раболѣпствовали!

Континентальная система, принятая Россіею со времени тильзитскаго мира, годъ отъ году становилась тягостнѣе для нашей торговли. Застой въ ней производилъ большія затрудненія въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ. Нашъ вексельный курсъ упалъ, ассигнаціи сильно понижались въ цѣнѣ, все чрезвычайно вздорожало. Изъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ на себя нашимъ правительствомъ по тильзитскому договору, самымъ тягостнымъ была континентальная система. Желая облегчить эту тягость для своихъ подданыхъ, императоръ Александръ издалъ 19 декабря 1810 года положеніе о нейтральной торговлѣ, которымъ запрещался ввозъ въ Россію нѣкоторыхъ предметовъ фран-

цузской промышленности, на другіе—наложена была высокая пошлина, а на колоніальные товары пошлина была уменьшена. Наполеонъ видѣлъ въ этомъ новомъ тарифѣ русскаго правительства нарушеніе континентальной системы и мѣру, направленную противъ интересовъ французской торговли. На жалобы по этому предмету, высказанныя французскимъ посломъ въ Петербургѣ Коленкуромъ, императоръ Александръ просто отвѣчалъ, что «каждый въ правѣ распоряжаться у себя сообразно съ собственною пользою».

Эти три вопроса: *польскій*, *ольденбургскій* и вопросъ *о тарифѣ* служили предметомъ непрерывныхъ пререканій между тюильрійскимъ и петербургскимъ кабинетами до самаго вторженія Наполеона въ Россію. Изъ нихъ наибольшую важность Наполеонъ придавалъ вопросу о тарифѣ. Наше правительство, напротивъ, совершенно справедливо признавало свое положеніе 19 декабря о нейтральной торговлѣ чисто внутреннею финансовою мѣрой, не имѣвшей никакого отношенія къ международнымъ обязательствамъ и потому не подлежавшей иностранному вмѣшательству. Петербургскій кабинетъ тѣмъ болѣе имѣлъ права такъ смотрѣть на это дѣло, что Наполеонъ самъ также издавалъ у себя декреты, которыми давались *исключительныя дозволенія* (licences) на ввозъ колоніальныхъ товаровъ во Францію. Русское правительство никакъ, конечно, не могло считать себя обязаннымъ соблюдать континентальную систему строже, чѣмъ какъ ее соблюдало французское, а между тѣмъ Наполеонъ этого именно и требовалъ отъ насъ, какъ онъ требовалъ того отъ другихъ европейскихъ правительствъ, находившихся въ полномъ подчиненіи у него. Что касается вопросовъ польскаго и ольденбургскаго, то они неоспоримо имѣли международный характеръ и возникли вслѣдствіе дѣйствій Наполеона, противныхъ договорамъ, заключеннымъ имъ съ Россіею. Но этимъ вопросамъ Наполеонъ не хотѣлъ придавать серьёзнаго значенія. Касательно Польши онъ продолжалъ дѣлать завѣренія на словахъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія возстановлять ее, насмѣшливо и съ шутками относился къ боязни на сей счетъ русскаго правительства, а между тѣмъ ни за что не соглашался дать какое нибудь положительное, фактическое ручательство того, что слова его искренни. По ольденбургскому вопросу онъ предлагалъ уладить дѣло полюбовнымъ образомъ, но также ограничивался общими и неопредѣленными предложеніями о вознагражденіи за отнятое насиліемъ герцогство.

Обѣ стороны понимали, что сущность дѣла заключается не въ этихъ трехъ вопросахъ, что по нимъ не трудно было-бы уладить всѣ несогласія и недоразумѣнія, если-бы въ томъ только и состояло дѣло. На-

полеону важны были не Ольденбургъ, не Польша. Ему, конечно, весьма былъ желателенъ упадокъ русской торговли, такъ какъ это ослабляло Россію: вотъ почему онъ и придавалъ особенную важность вопросу о тарифѣ; но и эта сторона дѣла была для него не главною, а побочною. Ему нужна была полная покорность Россіи. Ему были невыносимы самостоятельность и независимость, съ какими она подавала свой голосъ по всѣмъ европейскимъ дѣламъ, касавшимся ея ли самой или другихъ. Вотъ въ чемъ заключалась сущность дѣла. Вотъ въ чемъ состоялъ весь вопросъ: но такого рода вопросъ не могъ быть разрѣшенъ путемъ дипломатическимъ, а лишь вооруженною борьбою. Это также понимали обѣ стороны.

Получая со всѣхъ сторонъ извѣстія о громадныхъ вооруженіяхъ Франціи, императоръ Александръ бралъ и съ своей стороны необходимыя мѣры обороны. Наполеонъ, пополняя свою и безъ того огромную [illegible] новыми конскрипціями, вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло содѣйствовать его успѣху и увеличить затрудненія его противника. Онъ оказывалъ вниманіе польскимъ выходцамъ, проживавшимъ въ Парижѣ, старался привлечь на свою сторону Швецію, подавая шведскому правительству надежду возвратить не только Финляндію, но и остзейскія губерніи, манилъ турокъ обѣщаніями содѣйствовать имъ въ отнятіи у Россіи дунайскихъ княжествъ и Крыма. Онъ укрѣплялъ Данцигъ, усиливалъ гарнизонъ этой крѣпости, отправлялъ въ герцогство варшавское большое количество ружей и артиллерію. Съ нашей стороны укрѣпляли Ригу, приступили къ построенію новой крѣпости въ Бобруйскѣ; одна изъ дивизій, стоявшихъ въ Финляндіи, и пять дивизій молдавской арміи были направлены къ западной нашей границѣ.

Эти оборонительныя мѣры нашего правительства, конечно, не имѣли въ себѣ ничего устрашающаго: онѣ были слишкомъ скромны и незначительны сравнительно съ тѣми страшными военными силами и средствами, какими располагалъ Наполеонъ. Однакожъ онъ не упускалъ случая дѣлать и за то упреки русскому правительству. Въ тоже время старался увѣрить императора Александра въ своихъ дружескихъ чувствахъ къ нему, своемъ миролюбивомъ расположеніи и не переставалъ повторять, что считаетъ безумiемъ съ своей стороны воевать съ Россіей. «Если я буду принужденъ воевать съ вами, говорилъ онъ кн. Куракину, то совершенно противъ моей воли: вести 400,000 войска на сѣверъ, проливать кровь безъ всякой цѣли, не имѣя въ виду никакой выгоды! Что вы получили отъ своей войны въ Италіи? Погибло множество народа—единственно, чтобъ доставить славу Суворову». Иногда,

впрочемъ, онъ прибѣгалъ къ угрозамъ въ разговорахъ съ нашими дипломатическими агентами, и тогда любилъ похвастать своими громадными средствами для веденія войны съ нами. Вотъ что говорилъ онъ въ апрѣлѣ 1811 года флигель-адютанту императора Александра Чернышеву, который привезъ ему письмо отъ своего государя: «*даю честное слово, что если только вы не начнете со мною войны, я не начну ея въ продолженіи четырехъ лѣтъ.* Выжиданіе для меня чистый выигрышъ. Я уже расчиталъ все: война съ вами остановитъ развитіе моихъ морскихъ силъ, но шестисотъ милліоновъ моей казны станетъ на все; удотребивъ въ нынѣшнемъ году 100 милліоновъ на чрезвычайные расходы, буду имѣть 300,000 человѣкъ, не считая войскъ рейнскаго союза; на будущій годъ, издержавъ 50-ю милліонами болѣе, буду имѣть 600,000, а черезъ 4 года выставлю 800 или 900 тысячъ, и тогда—можетъ ли Россія дѣйствовать противъ меня такими же силами? Если вы не вѣрите мнѣ, я готовъ показать вамъ казну мою, а въ октябрѣ можете видѣть, сколько у меня будетъ войскъ, какъ только они придутъ изъ Италіи, Иллиріи, Голландіи и проч..... Знаю, продолжалъ онъ, что вы располагаете большими средствами, что ваши войска храбры, и я довольно давалъ сраженій, чтобы убѣдиться, отъ какой малости зависитъ успѣхъ ихъ, но если онъ будетъ на моей сторонѣ, то заставлю Россію раскаяться въ ея поступкахъ». Съ своей стороны императоръ Александръ откровенно сознался французскому посланнику, что онъ дѣйствительно готовится къ войнѣ. «Но я приступилъ къ тому не прежде, сказалъ онъ Коленкуру, какъ получивъ вѣрныя свѣдѣнія о приведеніи въ оборонительное состояніе Данцига, объ усиленіи Торна, о довершеніи укрѣпленій Модлина, объ увеличеніи арміи Даву и данцигскаго гарнизона, о приказаніи, данномъ полякамъ и саксонцамъ, быть готовыми къ выступленію. Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, я повелѣлъ соорудить укрѣпленія, но не впереди, а позади границъ моей имперіи, на Двинѣ и Днѣпрѣ: въ Ригѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, т. е. почти въ такомъ же разстояніи отъ Нѣмана, въ какомъ отъ Парижа—Страсбургъ. Ежели-бы вашему государю вздумалось укрѣпить Парижъ, могъ ли бы я на то жаловаться? Я не вывелъ изъ Финляндіи цѣлыхъ дивизій, а только возвратилъ въ дивизіи, расположенныя въ Литвѣ, полки, дѣйствовавшіе противъ шведовъ, преобразовалъ гарнизонные баталіоны въ линейныя войска, измѣнилъ организацію моихъ депо, усилилъ гвардію, что-бы сдѣлать ее достойною сравненія съ наполеоновою. Наконецъ я вывелъ пять дивизій изъ Турціи; вы сами тому причиною, помѣшавъ мнѣ пожать условленные плоды нашего союза, весьма [illegible]е въ сравненіи съ вашими завоеваніями. Словомъ сказать, я [illegible]щу

напасть на себя врасплохъ. Мои генералы уступаютъ въ достоинствѣ вашимъ; я не могу равняться съ Наполеономъ ни въ искусствѣ командовать войсками, ни въ опытности, но у меня хорошіе солдаты, мои подданные мнѣ преданы, и мы всѣ готовы скорѣе погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволить, чтобы съ нами поступали какъ съ голландцами или гамбургцами. Но, даю вамъ честное слово, первый выстрѣлъ будетъ не мой. Я допущу васъ перейти черезъ Нѣманъ. Повторяю вамъ—я не хочу войны и мой народъ также не хочетъ ея; но ежели нападутъ на насъ, то постоимъ за себя».

Наполеонъ былъ недоволенъ своимъ посломъ въ Петербургѣ Коленкуромъ за то, что, по словамъ его, онъ «сдѣлался русскимъ». Наполеону непріятно было, что Коленкуръ постоянно увѣрялъ его въ миролюбіи русскаго правительства, т. е. говорилъ ему сущую правду, тогда какъ ему хотѣлось не того. Ему нужно было дать дѣлу такой видъ, что русское правительство само напрашивалось на войну. Коленкуръ былъ честный человѣкъ и не хотѣлъ завѣдомо утверждать ложь. Между тѣмъ ему приказано было увѣрять русское правительство въ томъ, что Франція также не намѣрена начинать войны. Оттого ему приходилось иногда испытывать крайне затруднительное положеніе. Наполеонъ приказалъ однажды написать къ нему, что «французское правительство никогда не было такъ наклонно къ миру, какъ въ настоящее время, и что армія не будетъ усилена». Получивъ эту депешу, Коленкуръ поспѣшилъ сообщить ее лично императору Александру. Государь, имѣя неоспоримыя доказательства, что Наполеонъ дѣятельно готовится къ войнѣ, отвѣчалъ на увѣренія Коленкура: «это противно всѣмъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ, господинъ герцогъ, но ежели вы скажете мнѣ, что этому вѣрите, то и я измѣню свое убѣжденіе». Такое кроткое обращеніе къ честности благороднаго человѣка произвело сильное впечатлѣніе на Коленкура: онъ всталъ, взялъ свою шляпу, поклонился почтительно Государю и ушелъ, не сказавъ ни слова. «Бываютъ минуты, говорилъ онъ потомъ одной изъ своихъ знакомыхъ, когда честный человѣкъ желаетъ смерти». Коленкуръ былъ отозванъ и на его мѣсто, 9 мая 1811 года, прибылъ въ Петербургъ генералъ Лористонъ. Но и онъ доносилъ своему правительству то же самое, что́ Коленкуръ и что́ было не пріятно знать Наполеону. «Я могу доносить только то, что́ вижу—писалъ Лористонъ. Я излагаю дѣло въ настоящемъ видѣ, и ежели мы не останемся довольны тѣми уступками, которыя возможны, то будемъ воевать, потому что сами искали войны и—сколько я имѣлъ случай замѣтить—*война эта будетъ тяжкая*».

Война была не минуема. Теперь она уже не зависѣла болѣе отъ доброй воли обоихъ государей. Она составляла роковую историческую необходимость: чтобы избѣжать ея, нужно было—или Наполеону отречься отъ самого себя, уничтожить самому или дать уничтожить другимъ все то, что было имъ доселѣ сдѣлано, или же—отречься отъ самой себя Россіи. Ни того ни другаго не могло быть, оставалось—быть войнѣ. Время для нея созрѣло.

За Наполеономъ былъ первый шагъ. Онъ приготовилъ войну: ему должно было начать ее. Не мы къ нему, а онъ къ намъ долженъ былъ явиться. «Я допущу васъ перейти черезъ Нѣманъ», говорилъ Коленкуру императоръ Александръ. Такъ и случилось. 12 іюня 1812 года французская армія перешла черезъ Нѣманъ между Ковно и Гродно. Не было никакого формальнаго объявленія войны. Она началась, такъ сказать, сама собою.

«Великая армія» Наполеона, вступившая въ предѣлы Россіи, заключала въ себѣ 450,000 человѣкъ. За нею еще шли подкрѣпленія. Она имѣла позади себя богатыя европейскія страны, переполненныя населеніемъ, готовыя выслать новыя полчища по слову Наполеона. Ею предводительствовалъ величайшій военный геній, доселѣ никѣмъ не побѣжденный. Россія могла выставить для встрѣчи непріятеля всего 200,000. Она выступала на борьбу одна. По счастію—только что былъ заключенъ миръ съ Турціей (16 мая 1819 г.). Наши войска еще не успѣли возвратиться оттуда, какъ послѣдовало вторженіе Наполеона въ наше отечество.

Двадесять языкъ, народы просвѣщенной Европы, гордящейся передъ нами всѣмъ: образованностію, богатствомъ, своими свободными учрежденіями,—пришли изъ своихъ цвѣтущихъ странъ въ наше далекое отъ нихъ отечество, суровую страну, бѣдно одаренную природой, бѣдную людьми и произведеніями рукъ человѣческихъ,—пришли за тѣмъ, чтобы подвергнуть ее опустошенію. Странное зрѣлище представляли они собою,—зрѣлище, возбуждающее грусть и жалость! Что нужно было имъ отъ насъ? Что имъ сдѣлали мы? Никакой разумной цѣли, никакой здравой мысли не было въ ихъ нашествіи: они пришли, повинуясь чужой волѣ, и это—была воля одного человѣка, котораго всѣ они называли своимъ тираномъ. Не изъ этихъ ли странъ, не отъ этихъ ли народовъ мы слышимъ клики о свободѣ, о братствѣ, о равенствѣ, о человѣчности? Все это были христіанскіе народы: что довело ихъ до такого нравственнаго ничтожества?

Не велики были военныя силы Россіи, но безгранично было самоотверженіе русскаго народа и песокрушима его нравственная сила.

Теперь настала для него тяжкая година испытанія. Несмѣтная вражеская сила пришла на его родную землю и разоряла ее, разрушая жилища, отнимая послѣднее достояніе у жителей. Врагъ былъ немилостивый и безбожный. Онъ дѣлалъ всякія насилія надъ людьми, грабилъ и подвергалъ поруганію даже храмы Божіи. Русскихъ, которые попадали въ плѣнъ французамъ, заставляли присягать Наполеону, а кто не хотѣлъ этого сдѣлать, того разстрѣливали *). При появленіи непріятеля, жители убѣгали въ лѣса или кто куда могъ, унося съ собой свои скудные пожитки, или уничтожая ихъ, зажигали свои дома, чтобы ничего не доставалось безбожному французу. Нерѣдко жители одного или нѣсколькихъ селеній обязывались присягою стоять крѣпко другъ за друга и не щадить французовъ. Малѣйшая угодливость непріятелю считалась измѣною. Случилось однажды, крестьяне какой-то деревни, устрашенные прибытіемъ французскаго отряда, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. По удаленіи непріятеля они явились въ свою приходскую церковь къ божественной службѣ. Когда они подходили ко кресту, священникъ встрѣтилъ ихъ строгимъ укоромъ: «За чѣмъ вы здѣсь?—сказалъ онъ.—Вы не наши. Вы, предавъ православныхъ, приняли, какъ желанныхъ гостей, враговъ нашихъ».

Огромная армія Наполеона шла внутрь Россіи, угрожая уничтожить въ первомъ же бою не большую нашу армію. Но этого ей не удавалось. Наша армія геройски отстаивала каждый свой шагъ, шла безтрепетно передъ лицемъ наступавшаго врага и не давалась ему въ руки. Она отступала, потому что таковъ былъ принятый ея вождемъ планъ дѣйствія. Это былъ вождь, не русскій именемъ, но русскій по любви, преданности и самоотверженію, съ какими стоялъ за Русь: то былъ нашъ достославный *Барклай-де-Толли*. Не мало было тогда въ арміи нашей вождей и воиновъ съ такими же не русскими именами, но всѣ они одушевлены были тѣмъ же духомъ, какимъ—весь русскій народъ, и имена ихъ сіяютъ славой наравнѣ съ самыми дорогими русскому сердцу именами. Всѣ они были сынами русской земли и доказали, что любятъ Россію, что она имъ дорога и они рады пролить кровь свою за нее.

Что дальше углублялся врагъ во внутрь Россіи, то сильнѣе разгоралась душа людей русскихъ любовію къ родной землѣ и ненавистію ко врагу. Русская армія сгарала нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ. Барклаю-де-Толли нужно было имѣть великую душевную твердость, великую нравственную стойкость, чтобы сдержать по-

*) Такъ, напримѣръ, разстрѣляны были за отказъ служить Наполеону отставной подполковникъ *Энгельгардъ* и коллежскій асссоръ *Шубинъ*.

рывъ своей арміи. Онъ устоялъ противъ этого порыва, противъ громкаго ропота всего русскаго войска, противъ недовѣрія и подозрѣній, какія началъ возбуждать въ русскихъ его осторожный и благоразумный образъ дѣйствія. Тѣмъ выше его заслуга, тѣмъ славнѣе его подвигъ!

Непріятель приближался къ самому сердцу Россіи, къ первопрестольной Москвѣ. Становилось страшно за Россію. Сжалось сердце у каждаго русскаго. Ужели должна пасть и Москва? Самыя мрачныя думы и самыя безотрадныя чувства наполняли теперь душу каждаго русскаго, отъ царя до послѣдняго изъ подданныхъ. Въ это время назначенъ былъ новый вождь русской арміи — *Кутузовъ*. Не легкое бремя возложено было на него. Ему должно было на свой страхъ рѣшить роковой вопросъ: дать ли битву непріятелю, или сдать ему Москву? Маститый вождь не смутился передъ своею великою задачей и огромной отвѣтственностію, какую онъ несъ на себѣ предъ царемъ, всей русской землей и исторіей. Съ умомъ русскимъ и душею русской—стоялъ онъ на всей высотѣ своей задачи. Кутузовъ обладалъ драгоцѣннымъ даромъ спокойной и невозмутимой рѣшимости на все, что̀ считалъ необходимымъ для успѣха возложеннаго на него дѣла. Теперь онъ облеченъ былъ полною властію, не такъ, какъ было подъ Аустерлицемъ. Кутузовъ рѣшилъ дать битву, конечно—въ увѣренности, что не проиграетъ ея; за тѣмъ—увидитъ, что̀ ему дѣлать. Дана была знаменитая бородинская битва. Кутузовъ удержалъ за собою поле сраженія: этого было ему довольно. Онъ удовлетворилъ народному желанію, потерпѣнію войска, далъ ему помѣряться силами со врагомъ. Его армія понесла огромный уронъ, но не была разбита, не пришла въ разстройство. На другой день онъ могъ и хотѣлъ возобновить бой, но отмѣнилъ свое рѣшеніе, потому что не въ его характерѣ было—увлекаться временнымъ успѣхомъ, давать битвы—ради блеска побѣды. Онъ смотрѣлъ на послѣдствія, заглядывалъ впередъ и любилъ дѣйствовать расчетливо и навѣрняка. Въ умѣ его уже рѣшено было другое, еще болѣе смѣлое дѣло: сдать французамъ Москву. Онъ находилъ это нужнымъ и—сдѣлалъ такъ.

2-го сентября французы вступили въ Москву. Посланные впередъ офицеры донесли Наполеону, что Москва опустѣла. «Какъ опустѣла! вскричалъ онъ. Невѣроятное дѣло. Надобно это развѣдать. Ступайте туда и приведите мнѣ бояръ (Allez et amenez moi les boyards)». Никакихъ бояръ тамъ не было. Наполеонъ увидѣлъ своими глазами, что Москва не только пуста, но и объята пожаромъ. Однако пожаръ потушили и—русская столица была въ рукахъ Наполеона. Осуществилась его смѣлая и гордая мечта, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ ему дума-

лось и хотѣлось. Тѣмъ не менѣе онъ надѣялся, что Россія теперь должна будетъ передъ нимъ смириться.

Въ Петербургѣ первое извѣстіе о взятіи Москвы получено было отъ частнаго лица, какого-то помѣщика, но никто не хотѣлъ ему вѣрить. Вскорѣ Государь получилъ отъ графа Растопчина слѣдующее донесеніе:

«Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ для сопровожденія арміи на рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ.

«Я послѣдую за арміею. Я все вывезъ: мнѣ остается плакать объ участи моего отечества».

Получивъ это донесеніе, императоръ Александръ отправилъ въ армію князя Волконскаго съ слѣдующимъ рескриптомъ къ Кутузову (отъ 7 сент. 1812 г.):

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Съ 29 августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ, отъ 1 сентября, получилъ я чрезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости».

9-го сентября прибылъ въ Петербургъ полковникъ Мишо́, посланный Кутузовымъ съ донесеніемъ Государю о сдачѣ Москвы. Услышавъ печальную вѣсть, Государь сказалъ: «Само провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня. Покоряюсь его волѣ, но скажите: что́ говорили войска, оставляя безъ выстрѣла мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы упадка въ ихъ духѣ?» Мишо́ объяснилъ Государю, что онъ «оставилъ армію, отъ Кутузова до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ, но—страшатся всѣ они того только, какъ-бы не заключилъ Государь мира съ Наполеономъ». Тронутый и обрадованный такимъ настроеніемъ своего войска, Александръ произнесъ свои знаменитыя слова, сдѣлавшіяся историческими: «Истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашуся питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества». «Государь! отвѣчалъ на это Мишо́, Вы подписываете въ сію минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы».

Вѣсть о взятіи непріятелемъ Москвы тяжело отозвалась въ сердцѣ каждаго русскаго. Она за живое задѣла народное чувство, народную гордость, и весь русскій народъ воспламенился однимъ желаніемъ: изгнать скорѣе врага изъ родной земли. Все поднялось на защиту ея. Народная война разгоралась съ неудержимою силой. Не нужно было ни возбуждать, ни направлять народнаго движенія: оно само собой шло и расло и, что̀ далѣе, то становилось грознѣе. Русскій народъ пылалъ гнѣвомъ и местію!

Въ тарутинскій лагерь, гдѣ стоялъ съ арміей Кутузовъ, 22 сентября явился парламентёромъ отъ французовъ генералъ Лористонъ. Онъ жаловался Кутузову на озлобленіе, съ какимъ народъ русскій расправляется со врагомъ, и просилъ его взять противъ этого мѣры. Кутузовъ отвѣчалъ на это, что «если бы даже и желалъ онъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то не могъ-бы успѣть въ томъ, потому что русскіе считаютъ эту войну вторымъ нашествіемъ татаръ». Оказалось, впрочемъ, что Лористонъ посланъ былъ къ Кутузову Наполеономъ не съ чѣмъ инымъ, какъ съ предложеніемъ вступить въ мирные переговоры. «Не имѣю на то никакого наставленія, отвѣчалъ Кутузовъ. При отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ слова ваши, происходятъ-ли они изъ собственнаго вашего сужденія, или имѣютъ источникъ свыше, я ни въ какомъ случаѣ передать своему Государю не желаю. Я подвергъ-бы себя проклятію потомства, еслибъ сочли, что я подалъ поводъ къ какому-бы то ни было примиренію. Таковъ, въ настоящее время, образъ мыслей нашего народа». Когда Кутузовъ донесъ Государю о своемъ свиданіи съ Лористономъ, то получилъ отъ него слѣдующій рескриптъ:

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ посланнаго, извѣстился я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ.

«При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ.

«Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою-же рѣшимостію повторить вамъ: дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо..... Никакія предложенія непріятеля, писалъ въ заключеніе Государь, не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество».

Таково было дѣйствіе, произведенное на царя, войско и народъ русскій—великими успѣхами, достигнутыми французской арміей въ землѣ русской! Народный духъ возвышался и проявлялъ свою непреклонность по мѣрѣ того, какъ увеличивались опасность и страданія отечества.

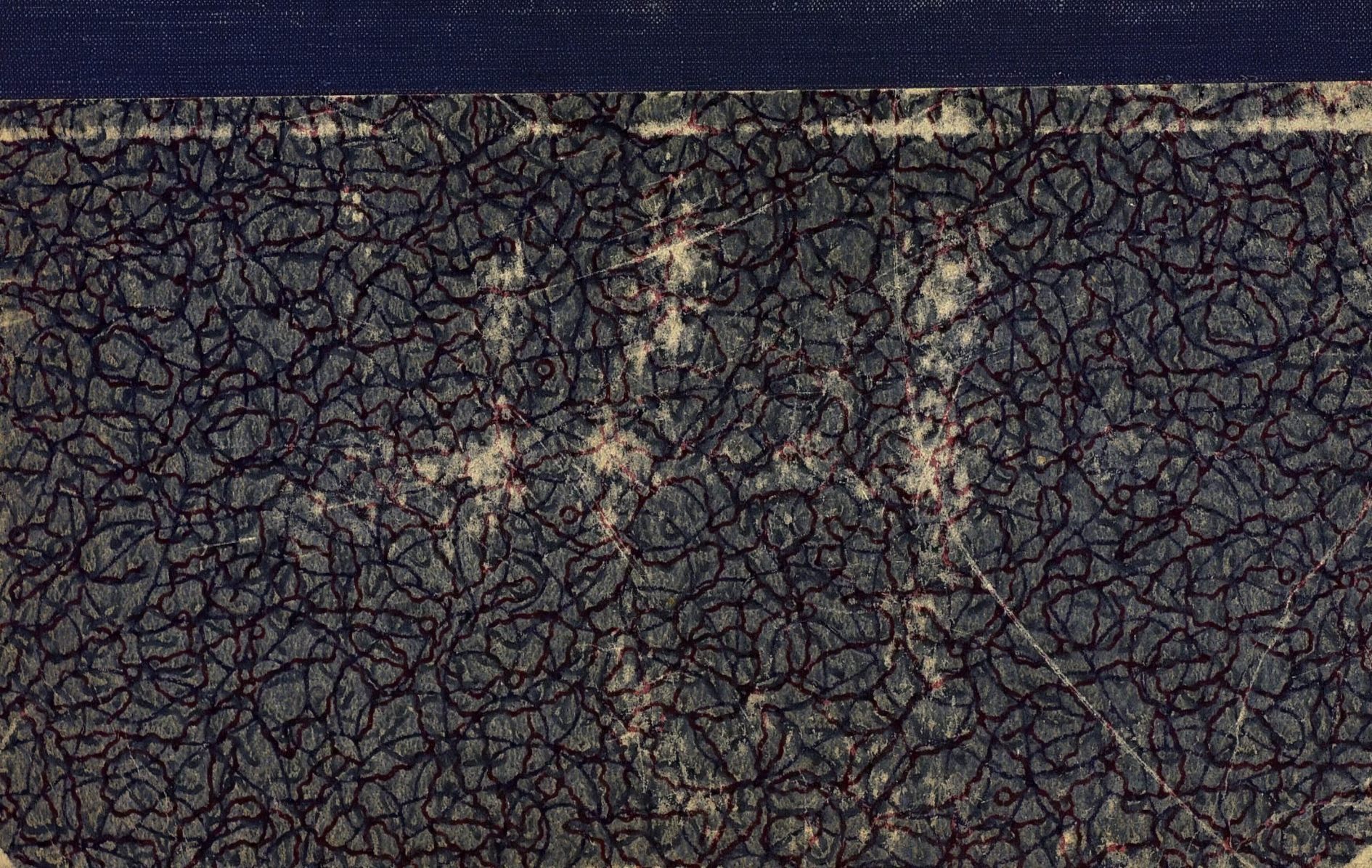
Твердость царя и—народная побѣдили врага. Пробывъ пять недѣль въ Москвѣ, Наполеонъ оставилъ ее и началъ свое отступленіе изъ Россіи. Кутузовъ заставилъ его возвращаться назадъ тѣмъ же путемъ, какимъ онъ пришелъ. Грозная армія великаго завоевателя подверглась теперь страшнымъ бѣдствіямъ, всѣмъ ужасамъ бѣгства изъ чужой страны, ею же только что опустошенной. Наши войска преслѣдовали ее и наносили ей жестокія пораженія въ битвахъ. Наполеонъ покинулъ свою армію, не доведя ея до границы, и самъ ускакалъ въ Парижъ. Только жалкій остатокъ «великой арміи», менѣе 20 тысячъ, перешелъ обратно за Нѣманъ.

Съ нами Богъ!—воскликнула спасенная отъ врага, торжествующая Россія.

Не намъ, не намъ, а имени Твоему, писалъ на своемъ побѣдномъ знамени благочестивый царь русскій.

Дорогою цѣною, великими усиліями и жертвами купилъ себѣ русскій народъ побѣду: но побѣда была полная и—по истинѣ великая!

Императоръ Александръ не считалъ своего дѣла оконченнымъ, пока не положитъ конца владычеству Наполеона въ Европѣ. Сама она была не въ состояніи снять съ себя свои оковы: русскій царь пришелъ къ ней на помощь. Его твердость и прямота восторжествовали надъ страхомъ и нерѣшительностію, надъ недовѣріемъ и подозрительностію европейскихъ правительствъ. Онъ повелъ за собою европейскихъ государей и ихъ войска, соединившіяся съ русскими, на великое дѣло ихъ собственнаго освобожденія. У Наполеона готова была новая армія. Предъ его именемъ все еще трепетали правительства и народы Европы. Русскій царь во всѣхъ возбудилъ бодрость и надежду. Все дѣлалось по его указанію. Его настойчивость преодолѣвала всѣ препятствія. Безъ него европейскія державы не имѣли-бы духа подняться противъ Наполеона, не составили-бы между собой союза; если бы и поднялись и составили союзъ, то скорѣе успѣли-бы поссориться между собой и надѣлать вреда другъ другу, чѣмъ нанесть пораженіе Наполеону: во всякомъ случаѣ, въ союзѣ или по одиночкѣ, но неминуемо были-бы снова сокрушены имъ во прахъ. Императоръ Александръ сдерживалъ теперь ихъ взаимную непріязнь, спасалъ общее дѣло тогда, когда оно готово было совсѣмъ рушиться, всѣми способами старался заставить своихъ союзни-

ковъ итти съ нимъ до конца, не впадать ранѣе времени въ малодушіе, оставить свои мелкіе счеты до болѣе удобной минуты. Такимъ образомъ союзныя арміи шли впередъ, одерживали побѣды надъ войсками Наполеона и наконецъ—дошли до Парижа. Столица Франціи оказала мужественное сопротивленіе иностраннымъ войскамъ и сдалась имъ лишь послѣ кроваваго бою. Союзники вступили въ Парижъ. Теперь-то желали они наброситься на Францію и возместить на ней все, что потерпѣли отъ Наполеона. Александръ сдержалъ ихъ въ этомъ. Явившимся къ нему депутатамъ города Парижа онъ объявилъ, что пришелъ даровать Франціи миръ и спокойствіе. Онъ исполнилъ свое слово.

Имперія Наполеона пала. Судьбы Европы принялъ тогда въ свои руки благій и кроткій Русскій Царь.